

<b>Содержание.</b>	
<b>Введение.....</b>	<b>2</b>
<b>Глава 1. Истоки происхождения интереса к Эфиопии в российском обществе.</b>	
§ 1.1 Сведения об Эфиопии в России, до появления там русских путешественников.....	8
§ 1.2 Геополитические интересы России в Эфиопии во второй половине XIX века.....	15
<b>Глава 2. Российские экспедиции в северо-восточную Африку в конце XIX века.</b>	
§ 2.1 Деятельность «атамана вольных казаков» Н.И. Ашинова. Начало становления прямых связей России и Эфиопии.....	22
§ 2.2. Экспедиции В.Ф. Машкова, А.В. Елисеева и Н.С. Леонтьева. Становление культурных и дипломатических русско-эфиопских связей.....	29
§ 2.3 Россия и Итало-Эфиопская война. Деятельность членов первой дипломатической миссии России в Эфиопии.....	35
<b>Глава 3. Образ Эфиопии в трудах русских путешественников XIX века.</b>	
§ 3.1 Образ народа и религии Эфиопии в трудах русских путешественников.....	41
§ 3.2 Образ Эфиопской армии, власти и императора Эфиопии в трудах русских путешественников.....	49
<b>Заключение.....</b>	<b>57</b>
<b>Источники.....</b>	<b>60</b>
<b>Литература.....</b>	<b>66</b>

## **Введение.**

### **Актуальность.**

В последнее время, заметно возросла роль России на Ближнем Востоке. Из-за острой необходимости борьбы с мировым терроризмом, Россия обеспечивает себе не только дипломатическое, но и военное, и экономическое присутствие в данном регионе. В связи с этим, особо актуальным становятся вопросы истории, связанные с политикой России (Российской империи) на Ближнем Востоке и на сопряженных территориях, направленной на установление контактов, со странами данного региона. Особо ценным становится опыт налаживания дружественных отношений с этими странами, в том числе и на примере Эфиопии, являющейся частью, так называемого «Большого Ближнего Востока», где сравнительно мирная политика России столкнулась с порой откровенно агрессивной политикой других Европейских держав.

Также, в свете последних событий, внешней и внутренней политики, проводимой российским руководством, в обществе заметно возросли, так называемые «имперские» настроения, ностальгирующие по былому величию Советского Союза и Российской империи. В сети и научно-популярных изданиях, стала затрагиваться тема взаимоотношений Российской империи и Эфиопии на рубеже XIX-XX вв. Особенно популярной темой является авантюра «атамана вольных казаков» Н.И. Ашинова, целью которой было создание русской колонии на берегах Таджурского залива (Джибути), и которая послужила серьезным толчком для начала становления русско-эфиопских отношений. В общественном сознании, в публицистических работах, народ Эфиопии, снова, как и в конце XIX столетия, предстает близким нам религиозно и культурно. Также и образ Эфиопии вновь начинает приобретать некий мифологизированный образ, строящийся, на устоявшемся стереотипе о единоверии россиян и эфиопов.

В тоже время, в последнее десятилетие наблюдается увеличение интереса к этому вопросу в научной среде. Появляются новые работы: монографии, статьи, посвященные становлению русско-эфиопских отношений и деятельности русских в Эфиопии. В то же время, не достаточно широко еще раскрыта тема восприятия в России, народа Эфиопии, вопрос стереотипов, сложившихся в российском обществе, проблемы их формирования, не смотря на наличие работ именно по этой тематике.

### **Дореволюционная историография.**

Первые труды по истории Эфиопии появляются в России уже в конце XIX века. В центре внимания дореволюционных историков, прежде всего, стояли проблемы колониального освоения Восточной Африки, политические события итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. и военно-стратегические последствия конфликта. Также выходили работы описательного характера. Вся эта обширная литература, для данной работы имеет характер источников, и более детальный разбор авторов и работ будет приведён ниже.

## Советская историография.

В первые послереволюционные годы Эфиопия была обделена вниманием советских историков. Первые исторические работы об этой стране, появляются только в 30-х годах, что, во многом, было связано с агрессией Италии против Эфиопии, и начавшейся в 1935 году итало-эфиопской войны. Так, в 1936 году Академией наук СССР был издан сборник статей «Абиссиния (Эфиопия)» где были помещены статьи Д.А. Ольдерогге (касающиеся населения и социальный строя страны), Н.М. Каратаева (по географии), К.Н. Лукницкого (об истории и экономики Эфиопии), Н.В. Юшманова и Т.В. Проскуряковой (лингвистика). К.Н. Лукницкий, в своих статьях помещенных в сборник, указывал на то, что история Эфиопии еще не изучена с марксистско-ленинских позиций и потому «ещё ждёт по-настоящему, научного исследования». В силу происходивших в это время в Африке событий, К.Н. Лукницкий, уделял в своих работах, особое внимание колониальной политике европейских держав в Эфиопии. Также, в статье Н.М. Каратаева, посвящённой географии страны, указывалось на роль российских путешественников, внёсших серьёзный вклад в её изучение. В послевоенное время, также русские экспедиции в Африке, в том числе, посетившие Эфиопию, стали предметом изучения доктора географических наук Н.П. Забродской, книга которой «Русские путешественники по Африке», вышла в 1955 году. В 1956 году был издан «Африканский этнографический сборник», где была помещена статья М.В. Райт, также посвященная российским экспедициям в Эфиопии.

С открытием в 1959 году института Африки АН СССР, первым руководителем и идейным вдохновителем которого был уроженец села Кривошейнено, Красноярского края, Иван Изосмович Потехин, начался новый этап в изучении Эфиопии отечественными историками. Так, уже в последующие годы появляются работы Д.Р. Вобликова, посвященные государственному строю Эфиопии, и её борьбе за сохранение независимости. В своей работе, на эту тему, Д.Р. Вобликов раскрыл агрессивную сущность итальянского и английского империализма, формы и методы экономической и военной экспансии европейских держав в борьбе за Восточную Африку. Он в своей работе убедительно указал на то, что, занимавшая выгодное геостратегическое положение, Эфиопия в течение целого столетия привлекала к себе внимание европейских колонизаторов. Монографии Д. Р. Вобликова, безусловно, представляет собой комплексное фундаментальное исследование международного положения Эфиопии в указанный период, и позволяют полнее представить политику капиталистических держав в отношении этой восточно-африканской страны на рубеже XIX-XX столетий.

В 60-70 гг. появляется ряд работ И.И. Васина, который также разбирал в них колониальную политику империалистических держав в Эфиопии. Наибольшей заслугой данного исследователя, является раскрытие роли Англии и Италии в дипломатической и военной подготовке итальянского вооруженного вторжения в Эфиопию 1895-1896 гг. и выявление позиции российских официальных кругов в данном вопросе, также учёным был проведён детальный анализ англо-французских колониальных противоречий времен Фашодского кризиса. В это же время появляются работы историка В.А. Трофимова, чья монография, посвященная Эфиопии, раскрывает широкую панораму международных

отношений европейских держав на рубеже XIX-XX вв. и позволяет проследить вектор внешнеполитического курса крупнейших колониальных государств в Африке, способствовавший созданию необходимых условий для подготовки Италии к войне в Эфиопии. Несомненным достоинством работы В. А. Трофимова является и то, что при исследовании межгосударственных отношений Англии, Франции и Италии во время восточно-африканского конфликта автор, используя синтезированный подход к решению проблемы исследования, не ограничивается рамками изучения деятельности дипломатических ведомств европейских держав и их руководителей, а устанавливает прочную взаимосвязь внешней политики этих государств с внутренней, в том числе с экономической и социальной, что позволяет создать целостную картину вопроса.

В 1974 году в Эфиопии произошла революция, в ходе которой был свергнут император Хайле Селассие, и к власти в стране пришёл прокоммунистический режим Менгисту Хайле Мариама. Вскоре после революции Менгисту подписал договор о дружбе с СССР. Эти события в значительной степени повлияли на появление новых работ по истории Эфиопии в СССР. В 70-е годы вновь появляется интерес к русским путешественникам, посетившим Эфиопию на рубеже XIX-XX веков, более того, издаются их воспоминания о своих путешествиях. В этом была большая заслуга И.С. Кацнельсона, благодаря которому были переизданы сочинения А.К. Булатовича и Л.К. Артамонова. Также им была написана книга о А.К. Булатовиче – «По неизведанным землям Африки».

В 80-е годы интерес к Эфиопии не ослабевал. Появляются обобщающие труды по истории Эфиопии второй половины XIX – первой половины XX вв. Авторами этих трудов были Г.В. Цыпкин и В.С. Ягья. Труды Г. В. Цыпкина, дают всесторонний анализ политики централизации и территориального расширения эфиопского государства накануне и во время вооруженного конфликта с Италией, а также особенностей культурного, экономического и социального развития страны на рубеже XIX - XX столетий. Автором были использованы многие ранее не известные архивные материалы. Им был проведён тщательный анализ этих документов, связанных с целями и тактикой российских и европейских политических деятелей и дипломатов в отношении Абиссинии. Его работы дают возможность составить представление об уровне дипломатического мышления руководителей европейских стран в данном вопросе, а также в исследовании совокупности политических факторов, определявших внешнюю политику молодого Эфиопского государства на рубеже XIX -XX вв. Совместная монография Г.В. Цыпкина и В.С. Ягьи «История Эфиопии в Новом и Новейшем времени», даёт целостную картину происходивших в Эфиопии событий, в важное для её истории время, а также о роли Эфиопии в международных отношениях.

### **Современная (постсоветская) историография.**

В 90-е годы история Эфиопии по-прежнему оставалась предметом изучения бывших советских историков (Г.В. Цыпкин, В.С. Ягья). Однако, появляются новые работы других авторов. Новым шагом в изучении русско-эфиопских дипломатических отношений также стали вышедшие в постсоветские годы и основанные на архивных материалах, труды известных московских и нижегородских историков-африканистов А. В. Хренкова, Г. В. Григорьевой, Е. Г. Етобаевой, Ю. М. Кузьмина, Н. В. Малыгиной, позволяющие судить о характере

частных и государственных инициатив российского правительства в отношении Эфиопии в середине 80-90 гг. XIX в. Неоспоримой заслугой данных авторов, является использование ими источников, позволяющих по достоинству оценить истинную роль Н. С. Леонтьева, А. К. Булатовича и многих других российских исследователей в изучении малодоступных регионов Африки и в развитии русско-эфиопских дипломатических отношений. Важными представляются попытки авторов составить представление об отношении российской общественности к Эфиопии в целом. Труды А. В. Хренкова и Г. В. Григорьевой демонстрируют значительный прогресс во взглядах на развитие двусторонних дипломатических и экономических отношений по сравнению с работой И. И. Васина, в которой России отводится лишь роль стороннего наблюдателя за ходом происходящих событий. Особый научный интерес и практическое значение для написания данной работы имели и исследования современных российских ученых — М. Дьячковой, И. В. Егорышевой, Е. П. Фокиной, посвященные деятельности Российского Общества Красного Креста в Эфиопии и раскрывающие некоторые ранее малоизученные аспекты организации врачебной помощи пострадавшим во время итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. абиссинцам. Отдельного внимания заслуживает и написанное на основании широкого круга архивных материалов исследование Н. В. Малыгиной, посвященное изучению русско-эфиопских дипломатических и культурных связей на рубеже XIX -XX столетий.

В последнее время, в современном российском обществе, как уже указывалось выше, серьезный интерес вызывает фигура «атамана вольных казаков» Николая Ивановича Ашинова. Этот интерес отразился в многочисленных научно-публицистических статьях об Ашинове. Также большую роль в освещении этой темы играет биография «атамана» написанная Волгоградским историком А.В. Луночкиным.

Стоит указать на работы московского историка С.А. Агуреева, одним из первых, затронувшего проблему восприятия российской общественностью народа Эфиопии. В последнее время появляется всё больше статей, посвящённых становлению русско-эфиопских отношений, и сопровождавших этот процесс событий. Авторы этих статей: Е.В. Морозов, В. А. Соколова, Н.А. Агеев, рассматривают эти события как часть целостного исторического развития России, в этот период.

### **Объект исследования.**

Объектом данного исследования являются российские экспедиции в Эфиопию в конце XIX века, в свете: международных отношений, по поводу региона Африканского Рога; и общественного мнения в России по поводу Эфиопии.

### **Предмет исследования.**

Предметом нашего исследования является образ Эфиопии, как совокупность устоявшихся представлений о стране (государстве, власти, религии, обычаях), получивший своё отражение в работах русских путешественников.

## **Цель.**

Цель данной работы: охарактеризовать образ Эфиопии, в работах русских путешественников и определить: как устоявшееся мнение в российском обществе об Эфиопии повлияло на восприятие страны путешественниками; или же, как русские путешественники, своими работами повлияли на формирование образа Эфиопии в российском обществе.

## **Задачи:**

1. установить предпосылки и определить факторы появления в широких кругах российского общества устойчивого интереса к эфиопскому государству, в середине и второй половине XIX века, а также определить образ Эфиопии, сложившийся в российском обществе до появления там русских путешественников;

2. рассмотреть российские экспедиции в Эфиопию, как последствия появления устойчивого интереса к этой стране в российском обществе, и определить роль, которую сыграл этот интерес в налаживании дружественных дипломатических и культурных связей между странами;

3. проанализировать труды русских путешественников, относящиеся к их деятельности в Эфиопии в конце XIX века, и сопоставить образ Эфиопии, получивший отражение в трудах, с уже существовавшим на тот момент образом страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 40-х годов XIX в., когда в Иерусалиме начала работу российская духовная миссия архимандрита Порфирия (Успенского), который первым из россиян начинает изучать Абиссинию (Эфиопию), и возможности соединения русской и эфиопской церквей. Также в это время, состоялась экспедиция Е.П. Ковалевского, и хоть Эфиопия не являлась целью этой экспедиции, путешественник в ходе её посетил западные области Эфиопии, и впервые описал перспективы сотрудничества России и Эфиопии, а также определил интересы России в данном регионе. Верхней хронологической точкой является 1899 год, когда завершилась работа первой российской дипломатической миссии в Эфиопии.

Географические рамки исследования включают в себя Ближний Восток и земли от берегов Сомалийского полуострова (Африканского Рога) до Белого Нила - территории которые посетили русские путешественники, а также через которые они следовали до Эфиопии (Стамбул, Палестина, Александрия, Каир, Суэц, Египет, Судан, и др.)

## **Источниковая база исследования.**

При написании данной работы был использован широкий круг источников. Прежде всего, это документы: распоряжения и официальные письма глав российских ведомств, правителей стран (Менелика II и Николая II), также докладные записки на имя руководителей ведомств. Помимо этого использовались официальные доклады, депеши, телеграммы уполномоченных лиц, генеральных консулов России в Константинополе, Александрии, Каире, участников и руководителей экспедиций и дипломатической миссии, свидетелей, очевидцев

происходивших в рассматриваемый период на Ближнем Востоке событий. Эти источники доступны широкому кругу лиц, благодаря их публикации в современных российских научных изданиях «Проблемы востоковедения», «Документы русской истории», «Вестник МГУ». Также, некоторые из них, размещены в интернете на сайтах «Древлит» и «Востлит».

Помимо этого, важным источником, при написании диссертационной работы явились российские периодические издания: газеты, журналы, освещавшие происходящие в Эфиопии события, ход подготовки российских экспедиций в Эфиопию, и всё, что было связано с ними. Также заметки о самой Эфиопии, печатавшиеся в периодических изданиях, непосредственно формировавших представления об Эфиопии в российском обществе. В том числе, нами использовались материалы, размещавшиеся в журналах «Русская Старина», «Военный Сборник», «Исторический Вестник».

Третьей категорией источников были труды современников, посвященные Эфиопии, её народу, церковной жизни, истории и месту этой страны в международных отношениях в конце XIX века. Так, во второй половине XIX века, Эфиопская церковь, и сама Эфиопия стали предметом научных изысканий и трудов архимандрита Порфирия (Успенского), главы духовной миссии Русской православной церкви в Иерусалиме. Здесь, также, следует отметить работы посвященные истории Эфиопии Б.Тураева, который, наравне со своим современником, историком церкви В.В. Болотовым, были крупнейшими в России специалистами по древнеэфиопскому языку. Также об Эфиопии в этот период писали знаменитые публицисты К.А. Скальковский, Ф.Ф. Пуцыкович и В.А. Панаев.

Следующей, важнейшей категорией, являются труды непосредственных участников экспедиций в Эфиопию. Прежде всего, стоит указать статьи В.М. Машкова – первого россиянина достигшего столицы Эфиопии, которые печатались в газете «Новое время». Также важным источником для данной работы послужили воспоминания есаула Н.С. Леонтьева, на основе которых, журналистом Ю. Ельцом, была написана книга «Император Менелик и война его с Италией». Свои воспоминания об Эфиопии оставили офицеры К.С. Звягин, А.К. Булатович, Л.К. Артамонов, П.Н. Краснов, Ф. Кридач, К. Арнольди. Причём работы последнего, несут в себе ценную информацию об устройстве абиссинской армии, её комплектовании, тактике и пр. Интересны также воспоминания отца Ефрема (в миру доктора М.М. Цветаева), который в качестве духовного лица сопровождал в Эфиопию одну из первых экспедиций. Стоит также указать на воспоминания врачей, долгое время проработавших в Эфиопии: А.И. Кохановского, Н.П. Бровцына, М.И. Лебединского. Все эти работы особо ценны, прежде всего, потому, что имели статус первоисточников знаний об Эфиопии для россиян в конце XIX в.

Методологической основой исследования являются принципы научной объективности и историзма. Использовались общенаучные методы: (сочетание анализа и синтеза) и специальный метод (сравнительно-исторический).

## **Глава I. Истоки происхождения интереса к Эфиопии в российском обществе.**

### **§ 1.1 Сведения об Эфиопии в России, до появления там русских путешественников.**

Во второй половине XIX века в российском общественном сознании сформировались определенные представления об Эфиопии и населяющем ее народе, не лишённые некоторых стереотипов отчасти мифологизированных. Образ Эфиопии, довольно положительный, укоренившийся в обществе, послужил очень важным фактором, для формирования устойчивого интереса к Эфиопии в России. Самым распространённым положительным мифом об Эфиопии, был миф о единоверии её жителей с православными русскими. И на формирование этого взгляда на религию эфиопов, более всего повлиял характер тех источников, на котором строились первые представления в России об этой стране.

Первые сведения об Эфиопии в России появились вместе с христианской литературой, в которой, зачастую, Эфиопия в целом отождествлялась со всей Африкой. Библия, переводные хронографы и космографии (в том числе и космография Герарда Меркатора, переведенная на русский язык в 1637 году) являлись основными, источниками информации об этой далекой африканской стране. Также важным источником о жителях Эфиопии - черных христианах, была паломническая литература.

Первые упоминания русских об эфиопах относятся к XIV в. Смоленский архимандрит Агрефений был тогда, по-видимому, первым россиянином, который наблюдал большую группу темнокожих африканцев, эфиопов-христиан, но не на их родине, а в Палестине. В 70-х гг. XIV в. он совершил паломничество в Иерусалим и составил его описание в «Хождении архимандрита Агрефения». В своем труде Агрефений отметил совершение в Иерусалиме богослужения разными христианскими Церквами: яковитами, хабежами (арабское название эфиопов), фрягами (католиками), греками, армянами, иверами (грузинами)<sup>1</sup>. Будучи, по-видимому, очень образованным человеком, не причислял эфиопов к православным народам, прекрасно понимая различия в учениях восточных (дохалкидонских) церквей, и православной церкви. Однако, труд Агрефения не был известен широкому кругу лиц и сохранился всего в двух списках – XV и XVI вв.

Другим русским, встречавшимся с эфиопскими христианами, был приказной дьяк Трифон Коробейников, совершивший свое путешествие в 1593 – 1594 гг. с дипломатической миссией по поручению царя Федора Иоанновича в Стамбул, Иерусалим и на Синай и, по заведенному порядку, написавший соответствующий отчет, в котором были упомянуты и эфиопские христиане. «Хождение Трифона Коробейникова» получило такое широкое распространение (известно более 200 списков этого произведения), что даже целиком помещалось в хронографы и имело авторитет священной книги. Однако, в конце XIX века благодаря исследованиям Ивана Забелина и Хрисанфа Лопарева, было установлено, что «хождение», по сути, является вольным пересказом записок более раннего паломника – купца Василия Познякава, посетившего Иерусалим в

---

<sup>1</sup> Прокофьев Н. И. Хождение Агрефения в Палестину. С. 136.

1559 году, по поручению Ивана Грозного, для оказания финансовой помощи александрийскому патриарху<sup>2</sup>.

Ни Василий Позняков, ни Трифон Коробейников не являлись лицами духовными, а следовательно, грамотными в богословских вопросах, и в их трудах впервые прослеживается мысль о единоверии русских и чернокожих христиан – эфиопов, впрочем, как и всех христианских паломников – не католиков.

После путешествия В. Познякова в Палестину в Москве в 1651-1652 гг. были напечатаны три новых произведения паломнической литературы, в которых встречаются неоднократные упоминания и об эфиопах. Они были написаны греком Гавриилом Назаретским, служившим в Москве, дьяконом Ионой Маленьким и архидьяконом Арсением Сухановым.

Вторая половина XVII века примечательна первой попыткой установления дипломатических контактов России с Эфиопией. Инициатором налаживания связей между двумя странами стал известный саксонский ученый Иов (Хиоб) Лудольф, автор историко-географического труда об Эфиопии «История Абиссинии» и главный советник герцога Саксен-Готского Эрнста Благочестивого, выступивший с обращением к русскому царю с целью привлечения Эфиопии к военным действиям против Османской империи. Главным же аргументом в пользу установления русско-эфиопских дипломатических отношений, по мнению Иова Лудольфа, должны были служить схожесть религии, нравов и обычаев двух стран. Идею И. Лудольфа с интересом воспринял секретарь российского посольства в Германии саксонец Лаврентий Рингубер, развивший мысль о возможности тесного союза двух стран для совместных военных действий против Порты и изложивший данную концепцию боярину посольского приказа А. С. Матвееву. Вскоре в 1674 г. в Саксен-Готу к герцогу Эрнсту с поручением московского государя был отправлен подьячий Семен Михайлович Протопопов для выяснения возможности заключения союза России с Эфиопией. Зимой 1674 г. он вернулся в Россию с ответом Иова Лудольфа московскому правительству, относительно возможных перспектив сближения с Эфиопией. Подробно охарактеризовав государственный строй, политическое положение Эфиопии, религиозные обряды народа, автор «Истории Абиссинии» указал также на существование угрозы турецких вторжений в страну и деятельности католических проповедников, высказал пожелание об оказании московским правительством Эфиопии своевременной помощи – «не деньгами и ратными людьми, а нарядами воинскими, которых у них никак нет»<sup>3</sup>. Если же русский царь, по мысли И. Лудольфа, выразит готовность заключить с Эфиопией внешнеполитический союз по причине ли общности веры или из желания нанести ущерб турецким силам в Египте, то он может сделать это «...через людей годных и верных под образом торговли,...а то лутче не может быть, токмо чрез армян турецкого и арапского языка искусных, пути ведомых и тамошних жаров обыклых в совершенстве прийти может»<sup>4</sup>.

Инициатива саксонцев не была лишена смысла, т.к. путей к установлению отношений с Эфиопией и созданию антитурецкой коалиции искало и российское

<sup>2</sup> Адрианова-Перетц В. П. Путешествия XVI в. С. 512–514

<sup>3</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения. С. 47

<sup>4</sup> Там же. С. 48

правительство. Эфиопские монархи также были заинтересованы в обретении в лице России сильного союзника в борьбе против Османской империи, угрожавшей не только русским, но и границам собственной страны, кроме того, эфиопская церковь надеялась на поддержку русского православия в отпоре религиозной экспансии как со стороны Турции и ее вассалов, так и со стороны Португалии, которая, закрепившись в XVI в. на Африканском Роге, стремилась, с помощью иезуитов, насадить в Эфиопии католичество и тем самым подчинить своему религиозно-политическому влиянию.

Однако русско-эфиопскому сближению препятствовал ряд объективных обстоятельств, и в первую очередь, географическая и политическая изоляция Эфиопии, прибрежные провинции которой были захвачены Турцией. Эпизодические контакты с внешним миром через александрийского патриарха, до начала XX в. являвшегося верховным владыкой эфиопских монофизитов, долгое время служили единственным средством международных связей Абиссинии. Кроме того, реализации масштабных планов по созданию антитурецкой коалиции с участием Абиссинии и религиозно-политическому сближению двух стран помешала внезапная смерть русского царя Алексея Михайловича, заинтересовавшегося этим проектом. В последующие годы, своим проектом Лудольф хотел заинтересовать Англию, для чего даже посетил в Лондон в 1683 году, однако, и эти его усилия оказались безрезультатными.

И хотя замыслам саксонцев об установлении русско-эфиопских отношений не суждено было сбыться, книги, записки иностранцев об Абиссинии, несомненно, расширяли знания русских людей о далекой африканской стране и усиливали интерес к ней.

В то же время, не прекращалось появление новых сведений о «черных христианах» в паломнической литературе. В начале XVIII века, «святые места» посетили Иоанн Лукьянов (1701г.), Андрей Игнатъев (1707г.), также оставившие свои труды, с описанием своих паломничеств, в том числе упоминая в них эфиопов.

В феврале 1752 г., в коллегию иностранных дел, прибыл из Константинополя курьер, привезший корреспонденцию от российского посла Алексея Обрезкова. Среди разных дипломатических бумаг, были три депеши, полученные им, от святейшего патриарха Александрийского Матфия. Этими депешами были два письма абиссинского негуса, адресованные Александрийскому патриарху, а также письмо самого патриарха императрице Елизавете Петровне. В своих посланиях, абиссинский негус писал о желании объединиться с вселенскими православными церквями, и просил прислать ему учителей. Однако, Александрийский патриарх, не имея, видимо, возможности сделать это, просил Российскую императрицу отправить кого-либо из своих духовных лиц в Эфиопию, о чём и писал в своём письме, переслав, также, вместе с ним послания от Эфиопского негуса<sup>5</sup>. И негус, и патриарх аргументировали свою просьбу усилившейся в это время католической экспансией в этом регионе. Более того, негус в письме, признавал, что эфиопы живут в ереси и хотели бы познакомиться с решениями всех семи Вселенских Соборов, хотя до этого чтити

---

<sup>5</sup> Львов А. Абиссиния и православный Восток в прошлом столетии. С. 4

решения только первых трёх. В это время, Абиссинская империя была в крайне тяжёлом положении, власть императоров – негус-негести, слабела, а саму церковь раздирали богословские споры, и в такой ситуации, вряд ли, это мнение поддерживалось народом и церковью. Скорее всего, это была попытка негуса, заручиться поддержкой извне. Впрочем, эти послания остались без ответа: для рассмотрения вопроса, и принятия такого важного решения, как оправка в далёкую страну миссионеров, требовалось одобрение Синода, который в полном составе собрался только спустя 15 лет, и, так как в течение этого времени подобных просьб из Африки больше не поступало, Святейший Синод решил, что дело окончено, и письма были отправлены в архив.

Так, паломническая литература, и далее оставалась основным источником информации о «чёрных христианах» в России. Большое внимание эфиопским христианам было уделено в изданном в 1800 г. труде иеромонаха Мелетия «Путешествие во Иерусалим в 1793 году и в 1794 году». В Святой земле он познакомился поближе с эфиопскими христианами, вера в которых, по его мнению, была насаждена святым апостолом Матфеем. Мелетий проникся горячим сочувствием к эфиопам, «к этим беззащитным и неимущим людям»<sup>6</sup>. Затем, уже и в XIX веке, образ эфиопов, как богобоязненных, примерных христиан, продолжал укореняться. Сведения о них оставляли и братья Вешняковы посетившие Ближний Восток в 1804г., и крестьянин Кир Бронников, побывавший там, в начале 1820-х г., В 1835 г. в Иерусалим совершил паломничество и крупный филолог А.С. Норов, бывший одно время и министром просвещения. Свои впечатления, в том числе и об африканских христианах он оставил в опубликованной им в 1838 г. книге «Путешествие по святой земле в 1835 году».

В это же время в России появляется и литература на языке геэз (язык эфиопских богослужений), которую привез из Палестины г.-н. Авалов. Вскоре, в России начинается изучение этого языка. В 1829 году, академик Б.А. Дорн ввёл в Харьковском университете курс языка геэз в образовательную программу, используя грамматики, составленные в Европе (в том числе и грамматику упоминаемого ранее Иова Лудольфа). Позже, когда Б.А. Дорн, перешёл на работу в Санкт-Петербургский университет, эта дисциплина появилась и там. Деятельность академика способствовала ознакомлению российских учёных с богословской и исторической литературой Эфиопии, которая уже находилась в коллекциях в России, а также продолжала поступать в нашу страну, из Европы и Ближнего Востока (Палестины).

В XIX веке был поднят вопрос о создании Русской духовной миссии в Иерусалиме. В 1838 году камергер императорского двора Андрей Муравьёв, посетивший Палестину, чтобы изучить состояние политической и церковной жизни в Святой Земле и содействовать укреплению позиции России на Ближнем Востоке, также поднял вопрос о необходимости учреждения в Иерусалиме Духовной Миссии. По мысли Муравьева, влияние России в этом регионе должно было выразиться, в частности, в особом покровительстве российского Императора над святыми местами, особенно над храмом Гроба Господня, гробницей Богородицы в Гефсимании и местом Рождества Христова в Вифлееме. А русский

---

<sup>6</sup> Дмитриевский А. А. Благодать святого Огня на Живоносном Гробе Господнем в Великую Субботу (паломничество старца Мелетия) . С. 51

архимандрит в Палестине «мог бы иметь благотворное влияние на ...единоверцев и распространять среди них свет и нужные познания»<sup>7</sup>. В 1847 году Духовная миссия была учреждена, и первым её руководителем стал архимандрит Порфирий (Успенский).

Будучи руководителем миссии, Порфирий серьёзно заинтересовался «чёрными христианами» и намеревался установить вероисповедное единство между Русской и Эфиопской Церквями, предполагая, что дело воссоединения могло получить начало в древней Синайской обители в честь святой великомученицы Екатерины: «Недаром она стоит на рубеже Африки и Азии. Из нее со временем может пролиться свет Православия в царство Абиссинское,.. где некогда прославилось имя Христово. Нигде, кроме сей обители, нет лучше места, как для учреждения училища благовестников, долженствующих воскресить Православие в Египте, Абиссинии и далее, так и для принятия и руководства иноков из этих стран»<sup>8</sup>. При этом, архимандрит Порфирий обращал внимание, что Синайский монастырь поддерживал регулярные связи с Россией, откуда поступали в обитель крупные пожертвования. «На Абиссинию надобно бы нам обратить внимание и начать влияние на нее посредством Синайской обители. Ибо в тамошней стране есть исходная точка для наших действий во славу Божию и в пользу святого Православия»<sup>9</sup>. Когда архимандрит Порфирий в 1850 году был на Синае, он беседовал с иеромонахом Иосифом, который поведал архимандриту Порфирию, что желает отправиться в Эфиопию для окормления православных греков, которые проживали на территории Эфиопии. Тогда, в свою очередь, и архимандрит Порфирий, высказал желание съездить с отцом Иосифом в Абиссинию, в качестве путешественника и наблюдателя, если это было бы угодно его начальству, и если бы дали средства к совершению подобного путешествия. Но Синайский архиепископ Константин не благословил иеромонаха Иосифа на поездку в Эфиопию. Самостоятельно предпринимать такое длительное и опасное путешествие архимандрит Порфирий не решился, поэтому этой его мечте сбыться не удалось.

Несмотря на неудачу, отец Порфирий продолжал интересоваться Эфиопией и продолжал искать средства к единению Русской и Эфиопской Церквей. В 1851 году он выкупает из рабства 11-летнего эфиопа, которого называет Фрументием, чтобы затем его крестить, обучить языку и отправить в Абиссинию в пресвитерском сане. Около полутора лет архимандрит Порфирий занимался воспитанием Фрументия в духе православия, обучив его читать и писать, чтобы тот смог затем быть переводчиком с абиссинского языка и быть пастырем православных абиссинцев. В апреле 1853 года отец Порфирий крестил Фрументия, но с началом Крымской войны, архимандрит Порфирий был вынужден покинуть Святую Землю и отправиться в Россию, взяв с собой и крещёного мальчика-абиссинца.

В 1860-61 годах архимандрит Порфирий, по поручению Священного Синода, предпринимает активные действия, для соединения Коптской и Русской Церквей. В то время Эфиопская Церковь находилась в канонической зависимости

<sup>7</sup> П.В. Безобразов. Император Александр I и Патриарх Поликарп. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества С. 21.

<sup>8</sup> Порфирий (Успенский) Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. С.356.

<sup>9</sup> Там же. С. 357

от Коптской Церкви, поэтому труды отца Порфирия относились и к Эфиопской Церкви. Архимандрит Порфирий задумал отправить в Египет апокрисария – церковного полномочного представителя, который должен был взять на себя труд по соединению Коптской и Русской Православной Церкви. Эту должность отец Порфирий, планировал занять сам, и уже находясь в Каире, предполагал продолжить свои труды по установления религиозного единства между Эфиопией и Россией. Для этого он, даже, планировал отправить апокрисария в Эфиопию в лице представителя Русской Духовной Миссии Якимовича. Отец Порфирий ожидал поддержки своих планов от Святейшего Синода, которого, так и не получил.

О богословии Эфиопской Церкви Порфирий говорил: «Абиссинцы не еретики. Напротив, они проклинают ереси Ария, Македония, Нестория и Евтихия и содержат веру святого Афанасия и святого Кирилла. В богослужениях и обрядах их видно чистое православие, «как в абиссинских озерах видно чистое небо»<sup>10</sup>.

Плодами деятельности архимандрита Порфирия, стали его сочинения: «Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней» и записки, под названием «Участие России в судьбе Абиссинии». В последних, он очертил способы сближения Русской и Эфиопской Церквей, обратив внимание на то, что в Эфиопской Церкви давно наблюдается стремление к автокефалии, к независимости от Коптской Церкви, что можно было бы осуществить не без помощи Русской Православной Церкви. Так, Порфирий указывал, что при условии нормального развития отношений с Эфиопской Церковью возможно было восстановление догматического единства Эфиопской Церкви со вселенским Православием. При этом, древнее богослужение Церкви Абиссинии, могло оставаться нетронутым, ибо в основе своей, по его мнению, это богослужение не содержало неправославных воззрений. Отец Порфирий считал, что все историко-культурные и национальные различия не должны быть барьером в деле сближения Абиссинской и Русской Церкви.

Работы архимандрита Порфирия были очень популярны в определённых кругах российского общества, и его планы находили сочувствующих, как среди светских, так и среди духовных лиц.

Из всего вышесказанного следует, что положительный образ Эфиопии, формировался, прежде всего, на религиозной почве. Однако, подобное отношение к этой далекой африканской стране, не была лишена некой снисходительной ноты. Особенно в деятельности и трудах Порфирия Успенского, прослеживается идея о «бремени белого человека», что Россия, и Русская Православная церковь должны помочь своим черным «почти единоверцам» ступить на путь истинный, и тем самым превознося свою культуру над древней христианской культурой Эфиопией, хотя и отдавая должное её «евангельской чистоте».

Другим, немаловажным источником сведений об этой африканской стране, были сочинения европейцев, касающиеся Эфиопии, прежде всего это работы Иова Лудольфа, в которых также указывалось, на схожесть религии двух стран. Источники же, доступные российским учёным, которые также появляются в XIX

---

<sup>10</sup> Мерави Тебедже. Эфиопская Православная Церковь в освещении русских православных богословов и историков. С.47-48

в., тоже имели религиозный характер, ибо были написаны на языке геэз, который являлся языком эфиопских богослужений. Более того, даже послания эфиопского императора, отправленные в Россию Александрийским патриархом в середине XVIII в., хоть не были известны широкой публике, но тоже касались религиозного вопроса. Характер всех этих источников, безусловно, формировал образ страны, населённой народом христианским и богобоязненным и подобный образ, безусловно, вызывал симпатию у российского обывателя.

## § 1.2 Геополитические интересы России в Эфиопии во второй половине XIX века.

В середине XIX века, у России и у российского общества возрастает интерес, к Ближнему Востоку. Российская империя, стала к этому времени могущественной державой с крупными внешнеполитическими амбициями, и это находило своё отражение, как во внешней политике, так и в общественном сознании. Так, как указывалось выше, именно в этот период появляется постоянная русская духовная миссия в Иерусалиме, что являлось серьёзным шагом, для обеспечения российского духовного присутствия на Ближнем Востоке. Однако, религиозный вопрос был не единственным проводником российских интересов в этом регионе, и вообще на Востоке. Во второй половине XIX века, Россия ведёт активную внешнюю политику, также, и на Дальнем Востоке и в Средней Азии, преследуя экономические интересы. И, зачастую, российские интересы на Востоке сталкивались с интересами европейских держав. Во второй половине XIX века, свои интересы у России, появляются, также, и в регионе Африканского Рога, где Эфиопия являлась ключевой державой.

С середины XVIII века в Эфиопии начался затяжной внутривнутриполитический кризис, власть императора – негус-негести, заметно слабела, в силу географических особенностей и исторических предпосылок стал развиваться сепаратизм, более того церковь, способствовавшая, на протяжении долгого времени единению эфиопов, сама погрузилась в распри. Тяжёлой была и внешнеполитическая обстановка – Эфиопия была окружена враждебными племенами, исповедовавшими ислам. Но, не смотря на проблемы внутри страны, в Эфиопии также существовали тенденции к объединению. Прежде всего, многие феодалы, и сами эфиопы всегда помнили о своём великом прошлом, и прекрасно понимали, что для возвращения былого величия необходимо объединение страны. Проблема, однако, состояло в том, что не существовало достаточно сильного центра для воссоздания империи, старая императорская власть же, была слаба, и не могла контролировать феодалов.

Однако, вниманием европейцев, пока, эта страна практически была обделена, не смотря, на то, что ослабленная из-за внутренних и внешних факторов страна, могла стать «лёгкой добычей» колониальных держав.

Но, к середине XIX века, ситуация меняется. В 1847 году, в Судан, отправляется экспедиция Е.П. Ковалевского. Он был направлен из России, по просьбе Египетского хедива Мухаммеда-Али для разведки золотых месторождений в Южном Судане. Ковалевским было совершено путешествие по притокам Голубого Нила, в том числе, по неизведанным европейцами землям. По возвращению в Россию, Е.П. Ковалевский подал подробный отчёт министру иностранных дел К.В. Нессельроде, где писал и об Эфиопии (Абиссинии): «С недавнего времени Абиссиния сделалась предметом особенного внимания Франции и Англии, которые сначала послали туда своих агентов, а потом назначили постоянных консулов. Консулы эти, равно и католические миссионеры обнаружили вскоре свои виды, стремящиеся к преимущественному коммерческому влиянию каждой из двух наций на Абиссинию и уже отчасти опутавших некоторых из престарелых владетелей своими интригами. Германия также имеет своего представителя в лице известного натуралиста Шимпера,

который поселился в Тигре (провинция на западе Эфиопии) и, вступив в родство первого тамошнего визиря, имеет влияние на дела этой независимой провинции»<sup>11</sup>. Далее, путешественник писал о выгодах торговли в данном регионе, а также, о преимуществах Абиссинии, в сравнении с соседним Суданом, указывая на более благоприятный и мягкий горный климат. Е.П. Ковалевский предлагал К.В. Нессельроде, активизировать политику в данном регионе, с назначением российских консулов в Каире и Массауа (порт на берегу Красного моря, позже, захваченный итальянцами). «Смею думать, что для России было бы полезно назначение агента нашего генерального консульства в Египте или даже консула в Массауа, чтобы следить за ходом положительных дел в этих странах. Тут, а более на противоположном берегу Красного моря, бывает также много русских подданных, мусульман поклонников гробу Мухаммеда, которых он может принять под свое покровительство. Мне кажется, также было бы очень важно для России попытаться свою торговлю через Суэз, если не с самой Индией, то, по крайней мере, с прибрежными к Черному морю портами. Если взять во внимание, что от Одессы до Александрии можно доплыть в 5 — 6 дней на пароходе, что переезд через Суэз незначителен по пространству и издержкам, что на Черном море можно легко и дешево доставать арабские суда и что, наконец, мы получили бы многие важнейшие потребности — как-то, кофе, красильные вещества и др, из первых рук, а индийские изделия после небольшого перевоза, и что, наконец, наши купеческие суда, конечно, еще нескоро достигнут Индии путем морским, обогнувши мыс Доброй Надежды, если, говорю, принять в соображение все эти обстоятельства, то смею думать, что наша торговая попытка удалась бы. Кроме того, она познакомила бы эти страны с именем России. В случае надобности, я мог бы представить проект, каким путем и какими средствами начать эту торговлю»<sup>12</sup>. Однако, проект так и не был составлен, но, данная записка впервые указывает на возможные перспективы развития отношений России и Эфиопии, не касающиеся духовного сближения двух стран. Также из неё можно судить о том, как оживилась политика европейских держав в данном регионе в середине XIX в.

В 1869 г. в Эфиопии кардинальным образом изменилась внешнеполитическая обстановка, в связи с открытием Суэцкого канала. Эфиопия и Сомали оказались на важнейших стратегических путях из Европы в страны Дальнего Востока и Северо-Восточной Африки. Богатая ресурсами, но отсталая, полуфеодальная Эфиопия оказалась на перекрестке интересов европейских держав, так, П.М. Власов, русский дипломат, ставший первым чрезвычайным послом России в Эфиопии, писал: «С прорытием Суэцкого канала, — этой главной артерии торговых сношений Запада с Востоком, Европа должна была обратить внимание на Красное море и на вход в оное с юга»<sup>13</sup>.

Конец XIX в., ознаменовавшийся началом «схватки за Африку», привел к новым антагонистическим противоречиям между сильнейшими империалистическими государствами Европы — Великобританией, Францией и Италией.

<sup>11</sup> Ковалевский Е.П. Нынешнее политическое и торговое состояние Восточного Судана и Абиссинии. С. 3.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения. С. 36.

С середины 70-х гг. XIX столетия Северо-восток Африки стал основным направлением английской колониальной экспансии. Глава британского консервативного кабинета министров Бенджамин Дизраэли, понимая особое стратегическое значение красноморского региона, приобрел в 1875 г. акции Суэцкого канала у египетского хедива, в результате чего Англия получила контроль над этой важнейшей торговой артерией. И все же, несмотря на рост влияния Великобритании в Северо-Восточной Африке, установление английского протектората над зоной Красноморского региона, по-прежнему, оставалось невозможным без покорения независимой Эфиопии, рассматривавшейся английскими колонизаторами в качестве основного плацдарма для покорения Судана и Египта.

Политика Англии в регионе заметно осложнялась все возрастающим соперничеством со стороны Франции, стремление которой, завладеть зоной красноморского побережья и удобными кратчайшими морскими путями на Дальний Восток, в Индийский и Тихий океаны заставляло правящие круги спешить с реализацией собственных захватнических планов. Еще в 1862 г. Франция приобрела порт Обок у африканского племени данакиль, превратив его в свой опорный пункт на побережье Красного моря, благодаря чему французское правительство в 1884-1888 гг. активно расширило зону колониальных владений путем захвата целого ряда красноморских портов –создав, тем самым, плацдарм, для будущей колонии «Французский берег Сомали». Так, отмечая растущее влияние Франции в регионе, русский посол в Константинополе М.К. Ону, обеспокоенный усилением англо-французского колониального соперничества, доносил в Санкт-Петербург в ноябре 1889 г., что Франция, в своём соперничестве, не замечает претензий Османской империи, имевшей права эти территории<sup>14</sup>.

Резкое усиление Франции в данном регионе заметно затрагивало интересы Великобритании, у которой существовали планы по созданию цепи своих колониальных владений «от Кейптауна до Каира». Так, в 1875 г. Б. Дизраэли, стремящийся максимально ослабить Эфиопию в политическом и военном отношениях, выступил одним из главных инициаторов египетского вторжения в страну, поддержав территориальные претензии к Эфиопии египетского хедива.

Франция же, в свою очередь, хоть и обеспечила себе плацдарм в данном регионе, находилась в положении слабой стороны, в силу чего ей не было выгодно серьёзное ослабление Эфиопии, ибо в таком случае она бы полностью попала под влияние Великобритании. По этой причине, Франция была вынуждена вести более миролюбивую политику на территории Африканского Рога, стараясь обеспечить необходимое равновесие сил, что было возможно только при существовании независимой, дружественной Франции, Эфиопии.

В 1882 г. Англия, захватив Египет, установила фактический контроль над прилегающими к Суэцкому каналу территориями. Стремясь обезопасить захваченные земли и приобрести новые колониальные владения, Великобритания начала подготовку к завоеванию махдистского Судана и Сомали, но независимая Эфиопия могла помешать осуществлению этих планов. Поэтому английское правительство, используя территориальные противоречия Эфиопии с Суданом и

---

<sup>14</sup> Там же. С. 34

Египтом, всеми силами стремилось спровоцировать вооруженный конфликт между ними.

В это же время, о своих интересах на Африканском Роге, заявила и Италия, поддерживаемая Англией. Италия вела крайне агрессивную политику, и в 1882 году она захватила, без особых усилий, порты Асэб и Массауа, отрезав, тем самым выход Эфиопии к морю. Обеспокоенный ростом экспансионистских устремлений Италии и стремительностью развития событий в Эфиопии, русский посол в Каире А. И. Кояндер, доносил министру иностранных дел Российской империи Н. К. Гирсу: «Из сведений, которые доходят сюда (в Каир) ...из Массовы (Массауа), можно заключить, что итальянцы готовятся предпринять осенью серьезную кампанию против Абиссинии и что заявления, сделанные в последнее время министрами короля Гумберта (Умберто) в итальянской палате депутатов, не совсем согласуются с их действиями». «В настоящее время в Массове, - продолжал русский дипломат, - находится будто бы больше 12 тысяч итальянского войска, к осени отряд этот предполагается довести до численности целого армейского корпуса. Это развитие сил указывало бы на намерение римского кабинета утвердить свое владычество не только на побережье Красного моря, но и внутри страны»<sup>15</sup>.

В сентябре 1885 г. русский дипломатический агент в Каире М. А. Хитрово, обеспокоенный активизацией деятельности крупнейших европейских держав – Англии и Франции в красноморском регионе представил в российский МИД записку об Эфиопии. Подробно охарактеризовав экономическое положение и государственный строй Абиссинии, дипломат отметил, что в будущем эта восточноафриканская страна способна сыграть важнейшую роль в деле распространения цивилизации в Африке и в, связи с чем, может стать посредником между европейскими державами и дикими африканскими племенами. Таким образом, Эфиопия, заинтересованность в территории и ресурсах которой, со стороны европейских государств все более возрастала, «сделалась весьма лакомым куском для всевозможных политических любостяжателей»<sup>16</sup>.

Однако эфиопы, по описанию М. А. Хитрово, - крайне враждебны к иностранцам, не доверяют европейцам и ненавидят мусульман, и поэтому все попытки турок, египтян и англичан добиться преобладающего влияния в Эфиопии до сих пор не увенчались успехом. Лишь на дружественную, и близкую по вероисповеданию эфиопам Россию абиссинцы взирают как на естественную покровительницу православия. Акцентируя внимание на необходимости укрепления российского влияния в регионе, важного для России в политическом и экономическом отношениях, М. А. Хитрово особо подчеркивал и то обстоятельство, что в будущем Эфиопия могла бы стать «серьезным подспорьем для нашей общей политики»<sup>17</sup>, а также транзитным стратегическим пунктом при движении русских судов через Массауа. Для достижения этих целей российскому правительству, по мнению дипломата, особо следовало поддерживать эфиопского царя Иоанна (Йоханныса IV) в снаряжении посольства в Россию, отправив в Эфиопию русского духовного представителя. Изложенные М. А. Хитрово доводы

<sup>15</sup> А. И. Кояндер – Н. Гирсу из Каира.

<sup>16</sup> Записка дипломатического агента в Каире М.А. Хитрово. С. 2.

<sup>17</sup> Там же. С. 3.

не только заинтересовали российское внешнеполитическое руководство, но и заметно расширили представления российских политических кругов, а за ними и широкой русской общественности об Абиссинии, наряду с исследованиями Е. П. Ковалевского и архимандрита Порфирия (Успенского).

Как уже указывалось выше, Россия, во второй половине XIX века вела активную внешнюю политику на Востоке. После заключения в 1858 году Айгунского договора с Китаем, к России перешли значительные территории на Дальнем Востоке, требовавшие скорейшего освоения. В силу больших пространств, отделявших присоединённые земли от центральной России, огромную роль приобретали морские коммуникации. Кратчайший морской путь из европейской части страны на Дальний Восток, после открытия Суэцкого канала, проходил теперь мимо Сомалийских берегов, и России было крайне важно спокойствие в этом регионе. Особенно было важным, чтобы проход русских судов через эти воды был беспрепятственным. Так, Российская империя стала также заинтересованной страной, в происходящих на Африканском Роге, событиях.

Помимо Дальнего Востока, важнейшими направлениями внешней политики России, были Балканы и Средняя Азия. На обоих направлениях, российские интересы встречались с колониальными интересами Великобритании. Великобритания была крайне заинтересована в ослаблении Османской империи, которая в конце XIX века по-прежнему контролировала большую часть Ближнего Востока, дабы обеспечить свой контроль над этим регионом. Россия же, в случае доминирования Великобритании на Ближнем Востоке, оказывалась под угрозой остаться беззащитной на своих южных рубежах – Кавказе и Черном море. Также активная политика России, в Средней Азии, сталкивалась с интересами Великобритании в Афганистане и Индии (жемчужины британской короны). Россия, в это время, проводя индустриализацию, остро нуждалась в рынках сбыта для притока капиталов в страну. Такими рынками сбыта также могли быть только страны Востока. Так, уже в середине XIX в. Е.П. Ковалевский, описывая перспективы российского торгового присутствия на Ближнем Востоке указывал, что египетский хедив, был бы не прочь закупать железо в России, ссылаясь на плохое(!) качество железа из Англии<sup>18</sup>.

Своевременно оценивший значение Суэцкого канала как транспортного пути для развития российской морской торговли известный петербургский ученый, профессор К.А. Скальковский, в своем исследовании «Суэзский канал и его значение для русской торговли» отмечал, что вопрос об эксплуатации Суэцкого канала «приобретает в настоящее время первостепенную важность для нашего экономического и торгового преуспевания ввиду усилившейся конкуренции других стран при помощи новых путей сообщения»<sup>19</sup>. Использование Суэцкого канала в целях российской морской торговли могло заметно «облегчить возможность прямых сношений с Цейлоном, Индией, Австралией, Китаем и Японией», - подчеркивал ученый. «Плавание по Красному морю, - считал К. А. Скальковский, - открывает для России ряд совершенно новых рынков в странах, прилегающих к этому морю, восточной части Африки,

<sup>18</sup> Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку. С. 25.

<sup>19</sup> Скальковский К. А. Суэзский канал и его значение для русской торговли. С.34.

Индийскому океану и Персидскому заливу»<sup>20</sup>. Однако успех подобных экспедиций зависел не только от количества запасов угля и наличия транзитных станций и портов на африканском побережье, но и от степени отношений с той или иной колониальной европейской державой, соперничающей в красноморском регионе.

Ещё одним, немаловажным фактором, сыгравшим, на первоначальном этапе становления прямых связей России и Эфиопии значительную роль, была проблема отсутствия у российского флота базы в тёплых морях. В зимний период российский флот не мог осуществлять навигацию, в силу того, что корабли были заперты льдами в портах. Российское морское ведомство, в связи с этим, и в связи усилившейся стратегической ролью региона Африканского Рога, было крайне заинтересовано в российском присутствии на берегах Красного моря.

Таким образом, нарастание англо-русских противоречий в Средней Азии и на Ближнем Востоке, нерешенность вопроса о средиземноморских проливах и отсутствие удобных и надежных морских коммуникаций, стимулировало появлению устойчивого интереса, как власти, так и общественности, к этому региону, в том числе и к Эфиопии.

Широкое отражение интерес россиян к эфиопским событиям с середины 80-х гг. XIX столетия получил на страницах российской периодической печати, внимательно следившей за событиями в восточноафриканском регионе. Наиболее влиятельные и популярные отечественные издания, такие как «Вестник Европы», «Нива», «Русское богатство», «Гражданин», «Новое время», «Наблюдатель», «Нижегородские Ведомости», «Московские Ведомости» и «Вестник Императорского Русского Географического Общества»<sup>21</sup>, публикующие статьи и заметки, посвященные политической истории и религиозным верованиям Абиссинии, анализировали и внешнеполитическую деятельность в регионе крупнейших колониальных держав.

### **Вывод.**

К концу XIX века, у россиян сформировался устойчивый интерес к Эфиопии. Этот интерес сформировался на основе двух важных составляющих, во-первых: распространённое мнение о единоверии русских и эфиопов; а во-вторых и в-третьих: появление объективных политических и экономических интересов России в регионе Африканского Рога. Первая составляющая появилась благодаря специфическим источникам об Эфиопии и её жителях. Так, об эфиопах судили по существовавшей обильной паломнической литературе, а также, трудам архимандрита Порфирия (Успенского). Русская общественность, благодаря этим источникам, считала эфиопов родственным народом и, безусловно, сочувствовала ему. Отсюда же вытекал и другой аспект – в России, в это время, особенно в патриотических, славянофильских кругах, существовал некий своеобразный антагонизм к Западным странам, особенно к Англии, и образ «православной страны» со всех сторон окруженной нашими с ней общими врагами, безусловно, вызывал симпатии. Вторая составляющая происхождения устойчивого интереса к Эфиопии, также была не лишена эмоциональной окраски, в силу того же

<sup>20</sup> Там же. С.37

<sup>21</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения. С. 65.

пресловутого «антагонизма». Так, именно на этих чувствах – противостояния с англичанами, сыграл знаменитый авантюрист Николай Иванович Ашинов, во многом, благодаря которому россияне и российское правительство перестали ограничиваться только сочувствием и интересом, но и перешли к конкретным действиям, по установлению связей с Эфиопией.

Так, источниками интереса российского общества к Эфиопии к концу XIX века стали: представления о культурной и религиозной близости, сочувствие к «чёрным единоверцам»; а также экономические и стратегические перспективы присутствия России в этом регионе.

## **Глава 2. Российские экспедиции в северо-восточную Африку в конце XIX века.**

### **§ 2.1 Деятельность «атамана вольных казаков» Н.И. Ашинова. Начало становления прямых связей России и Эфиопии.**

К концу XIX века, Эфиопия, со сложившимся положительным образом в восприятии россиян и сделавшаяся предметом интереса европейских держав, в силу открытия Суэцкого канала, и набравшей обороты «битвы за Африку», по прежнему была обделена вниманием русских путешественников. И это не смотря на то, что Россия, как указывалось выше, и на что указывали современники, имела объективные интересы, как геополитические, так и экономические, в данном регионе. Происходившие в этот момент на Африканском Роге события широко освещались в отечественной прессе, однако никакого участия Россия в этих событиях не принимала. В данных условиях: когда интерес общества всё подогревался, а официальные органы не делали никаких шагов в данном направлении, только частные инициативы могли подтолкнуть Россию, к активизации своей политики в Абиссинии.

Первая такая инициатива, которая довольно громко и во всеуслышание заявила о себе, появилась в конце 80-х годов XIX века. Исходила она от известного авантюриста-мистификатора, Николая Ивановича Ашинова, выдававшего себя за атамана «вольных казаков» - представителей якобы существовавшего многочисленного русскоязычного населения Ближнего Востока.

Имя Ашинова часто мелькало на страницах русской прессы, в основном на полосах «Нового Времени». «Атаман вольных казаков» умело играл на настроениях патриотически настроенных слоёв общества, эпатажно вел себя в великосветских салонах и заручился поддержкой влиятельных людей. Среди его покровителей, в разное время были: генеральный консул в Каире М.А. Хитрово, известный писатель-славянофил А.С. Аксаков, инженер В.А. Панаев, влиятельный журналист М.Н. Катков, Нижегородский генерал-губернатор Н.М. Баранов. Также ему симпатизировали обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев и глава военно-морского ведомства адмирал И.А. Шестаков.

С середины 80-х годов Ашинов наделал много шума в прессе и высшем обществе с упоминавшимися ранее «вольными казаками», существование которых, никогда затем не было подтверждено. Самопровозглашенный атаман, говорил о готовности их присягнуть российскому императору и хлопотал о создании Черноморского казачьего войска. Но его инициатива провалилась: ему удалось лишь добиться выделения земли для «казаков» куда прибыли наскоро набранные им в Полтавщине крестьяне, которые, затем, были брошены там, на произвол судьбы, и до которых так и не дошли выделенные государством деньги. По поводу пропавших денег, на Ашинова завели уголовное дело, но «атаман» отбыл за границу, и ажиотаж вокруг его персоны постепенно стал ослабевать.

Но, осенью 1885 года он, в письме из Стамбула своему покровителю И.С. Аксакову заявил о том, что его «вольными казаками» заинтересовались англичане, которые, якобы предложили ему и его «казакам» за деньги совершать диверсии против российских войск в Средней Азии. Ашинов же, разумеется, решил деньги

взять, но использовать их во вред англичанам: отправившись со своими казаками в Судан и Абиссинию, дабы помочь Махди (воевавшему с англичанами) и абиссинскому негусу Иоанну (Йоханнысу IV)<sup>22</sup>. Про связи Ашинова с британской агентурой в Стамбуле нам известно только с его слов, что даёт повод считать это очередной его мистификацией.

Весть эта, о вездесущих врагах-англичанах и неподкупных казаках-ашионвцах, вскоре разнеслась в патриотических кругах, и снова фигура атамана Ашинова оказалась в центре внимания. Из своей экспедиции в Абиссинию, последовавшей за этим, «атаман» продолжал слать письма своему покровителю.

Причиной, по которой именно Абиссиния привлекла внимание «атамана вольных казаков», послужил, скорее всего, сложившийся положительный образ этой страны, и сочувствие россиян к «черным единоверцам».

В январе 1886 г. в столичной газете «Новое время» появилась сенсационная корреспонденция из Абиссинии, перепечатанная затем многими другими изданиями. В ней с невероятными преувеличениями рассказывалось о торжественной встрече, устроенной там делегации «вольных казаков» во главе с атаманом Николаем Ивановичем. Анонимный автор, оказавшись «случайно» в абиссинском городе Асмаре, был поражен множеством собравшегося здесь войска, вооруженного ружьями, саблями и копьями со щитами. Он подумал было, что находится накануне очередной битвы с махдистами, но вскоре узнал, что это — почетный конвой «вице-царя Рас-Аллулы», готовящегося к встрече «московского брата», приехавшего в Абиссинию по приглашению «царя Ивана»<sup>23</sup>. Исследователь атамана Ашинова, современный Волгоградский историк А.В. Луночкин, установил, что вряд ли данная корреспонденция не была работой самого Николая Ивановича, написанная им незадолго до отъезда в Африку, так как никаких корреспондентов российских газет, разумеется, не было в это время в Абиссинии. Да и нельзя представить, что с начала декабря (когда Ашинов последний раз писал И. С. Аксакову из порта Массауа на берегах Эритреи) он смог проделать неблизкий путь в Асмару (столицу раса Алулы – крупного Абиссинского феодала), а корреспонденция успела вернуться обратно тем же путем в Петербург всего за месяц. Из сведений французского доктора Паразиса, несколько лет прожившего при негусе Йоханнысе, позже выяснилось, что Ашинов на самом деле посетил раса Алулу. Тот обошелся с ним приветливо, не оказывая никаких особых почестей, а когда «атаман» не смог никакими документами подтвердить свой особый статус представителя российского правительства, о котором он заявил, был выдворен за пределы Абиссинии, так и не добравшись до негуса<sup>24</sup>.

Но на этом письме, поток вестей о «вольных казаках» не иссяк: Ашинов продолжал из Африки удивлять читателей российских газет. Более того, сами российские журналисты, подхватив тему «вольных казаков», стали сочинять все новые о них небылицы, будоража общественность. Активней всех эту тему освещала газета «Новое время». Так, читатели «Нового времени» вскоре узнали, что «вольные казаки» оказывают помощь абиссинцам в борьбе не только с

<sup>22</sup> Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. С. 41

<sup>23</sup> Там же. С. 41

<sup>24</sup> Там же. С. 42

махдистами (которым, кстати, Ашинов первоначально собирался помогать против англичан), но и участвуют в стычках с Итальянцами. Более того, из Африки Ашинов сообщал, что «негус Иоанн», выделил за все эти услуги обширные территории «казакам» на берегу Индийского океана, где те, якобы, основали свое первое поселение<sup>25</sup>.

Вернувшись в Россию с подарками от абиссинского негуса государю-императору, Ашинов вновь оказался в центре внимания. Он стал готовить экспедицию в Абиссинию, с целью создания на Африканском Роге русской фактории, но для этого ему нужно было заручиться поддержкой правительства и лично императора. Через М.Н. Каткова Николай Иванович смог выйти на министра внутренних дел Д.А. Толстого, и дело о хищениях государственных денег, связанное с предыдущей его аферой было закрыто, после того как «атаман» возместил нужную сумму в казну. Вскоре у него появились и сочувствующие высшие сановники империи, прежде всего это были: обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, которого прельщала мысль о переходе многомиллионного населения Эфиопии под лоно русской православной церкви, так как Ашинов заявлял, что только этого и жаждут «наши черные единоверцы»; и морской министр адмирал И.А. Шестаков. Как уже указывалось выше, русскому флоту был необходим незамерзающий порт, тем более морское ведомство было бы не прочь получить опорный пункт на таком важном участке, где проходил кратчайший морской путь из европейской России, на активно осваивающийся в этот период русский Дальний Восток. Предполагалось использовать уже существующее поселение «вольных казаков», для оборудования там угольной станции. Другим очень важным сановником, сочувствовавшим идеям «вольного казака» стал Нижегородский губернатор Н.М. Баранов, имевший значительное влияние как на русское купечество (в силу своей должности, так как Нижний Новгород был важнейшим в России центром торговли, прежде всего со странами Востока), так и на государя-императора. Более осторожно, но также благосклонно относился к Ашинову и военный министр П.С. Ванновский. Однако министерство иностранных дел, под руководством Н.К. Гирса не было готово к таким откровенно авантюрным шагам, трезво понимая какие внешнеполитические риски несёт в себе данное предприятие, и, тем более не собиралось полагаться в нём на такую сомнительную личность, как Николай Ашинов. И эта позиция МИДа, определила отношение к «атаману» самого Александра III. Ашинов так и не добился аудиенции императора, и подарки, привезенные им из Абиссинии, удалось передать только через командующего Императорской Главной квартиры - О.Б. Рихтера<sup>26</sup>.

Не добившись государственной поддержки своего предприятия, и не получив достаточного финансирования от российского купечества, Ашинов в октябре 1887 года, отправился во Францию. Французское общество в этот период с большой симпатией относилось к России и ко всему русскому, видя в Российской империи противовес Германии. «Атаман вольных казаков» был очень благосклонно принят в среде французских националистов, однако дальше этого дело не пошло, и он снова направился в Россию, через Стамбул.

---

<sup>25</sup> Там же. С. 41

<sup>26</sup> Там же. С.45

В Стамбуле, однако, его ждала благоприятная весть, морское ведомство, наконец, решилось оказать помощь Ашинову. Из Одессы в Абиссинию был отправлен пароход добровольного флота, который в Стамбуле взял на борт Ашинова и его соратников с грузом, чтобы те оборудовали на берегах Таджурского залива (Современное Джибути) базу, где бы поначалу смогла разместиться угольная станция, для проходящих через Красное море российских кораблей. И весной 1888 года пароход «Кострома», высадив ашиновцев в Таджуре, а сам направился далее, в Индийский океан, дабы не вызывать преждевременных опасений у Англии, Франции и Италии, имевших там свои колонии.

«Атаман», однако, на этот раз, не задержался надолго на берегах Африканского Рога, и вскоре покинул своих соратников, обещав скоро вернуться. Из Африки в Россию Ашинов, в своём послании рапортовал об основании им и его соратниками на берегах Таджурского залива станицы «Новая Москва». И эту весть незамедлительно растиражировали многие российские газеты<sup>27</sup>.

Уже летом, того же 1888 года Ашинов оказался в Киеве, на праздновании 900-летия крещения Руси, вместе с двумя монахами-абиссинцами, которые, с его слов, были послами от негуса Иоанна. Ашинов заявил, что когда их высадили на берегу Таджурского залива, там уже находились ожидавшие его возвращения «послы». Позже выяснилось, что этими послами были монахи из абиссинского монастыря в Иерусалиме, которые были отправлены в Россию настоятелем монастыря по просьбе самого Ашинова. Николай Иванович представил «послов» К.П. Победоносцеву, которые в разговоре (переводчиком в котором был сам «атаман») заверили обер-прокурора о готовности Абиссинии к тесному сотрудничеству с Россией. После, монахи должны были быть представлены императору, и Ашинов планировал попасть к Александру III хотя бы в качестве переводчика, однако в этом ему было отказано<sup>28</sup>. В качестве переводчика выступила девочка-абиссинка, которая была привезена Ашиновым из предыдущего путешествия и была представлена им тогда, как племянница негуса, и с тех пор жившая при монастыре. На встречи с императором монахи говорили только о духовном сближении двух церквей, и ни о каком сотрудничестве государств не было и речи.

Однако, вскоре после этого, подготовка духовной миссии в Абиссинию началась полным ходом. Руководителем миссии, по протекции Ашинова, был назначен настоятель Свято-Пантелеймоновского подворья в Стамбуле, отец Паисий (Балабанов), в спешном порядке рукоположенный в сан архимандрита<sup>29</sup>. Была объявлена подписка на сбор пожертвований на нужды миссии, и постройку в Абиссинии православного храма.

Одновременно продолжалась организация, экспедиции для строительства опорного пункта на берегах Красного моря для нужд флота. Ашинов получал деньги, вооружение и снаряжение через военное ведомство, как для нужд самой экспедиции – вооружения «вольных казаков», так и для дальнейшей поставки их

<sup>27</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в оценке российского общественного мнения в конце XIX - начале XX вв. С. 79

<sup>28</sup> Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. С. 47

<sup>29</sup> Объявление о сборе средств для отправки миссии в Эфиопию, данное архимандритом Паисием в газете «Новое время».

в Абиссинию<sup>30</sup>. В это же время «атаман» вновь посещает Францию, где смог заручиться финансовой поддержкой известного своими шовинистическими идеями финансиста Ж.-Р. де Константена. Наконец, дело, задуманное Ашиновым, стало воплощаться в жизнь и наконец, получило государственную поддержку. Существует даже неподтвержденная информация, что в этот период Александр III, всё-таки, удостоил Ашинова своей аудиенции<sup>31</sup>.

Но именно в этот момент, когда подготовка экспедиции была уже почти завершена, из Стамбула в Санкт-Петербург прибыло секретное письмо от посла в Турции Нелидова<sup>32</sup>. В этом письме сообщалось, что на берегах Таджурского залива нет никакого поселения «Новая Москва», и что люди были оставлены Ашиновым на произвол судьбы в Африке. Сумевшие, своими силами, добраться до Константинополя фельдшер С. Самусеев и житель Аккермана П. Шелипенко сообщили об этом русскому послу<sup>33</sup>.

После этого морское ведомство, которое после смерти адмирала Шестакова возглавил адмирал Н.М. Чихачёв, поспешило отмежеваться от этой авантюры. Организацию духовной миссии, однако, было решено продолжить, и «вольные казаки» Ашинова должны были теперь только сопровождать её, в качестве конвоя, до Абиссинии. По требованию министра иностранных дел, озабоченного возможными протестами со стороны других держав, отцу Паисию было запрещено публиковать в газетах воззвания о сборе пожертвований на экспедицию и постройку храма в Абиссинии<sup>34</sup>. Руководство Министерства иностранных дел организовало утечку информации о брошенных в Таджуре ашиновцах в прессу, и скандал стал известен широкой публике. Ашинов и Паисий стали теперь тщетно просить хотя бы финансовой помощи от государства, но правительство и Александр III, полностью отстранились от организации духовной миссии, и она приобрела характер частного предприятия.

В конце 1888 года миссия двинулась в путь. Так как прямого рейса из Одессы мимо Таджурского залива в ближайшее время не предвиделось, ашиновцы вынуждены были отправиться на пароходе Добровольного флота «Корнилов», шедшем до Александрии, в качестве рядовых пассажиров. В Александрии они пересели на другое российское судно, которое их доставило в Порт-Саид, и где они стали ждать подходящего корабля для дальнейшего путешествия. Капитан Пташинский, проходивший в это время через Порт-Саид из Владивостока в Одессу на пароходе «Нижний Новгород», рапортовал об увиденном там: «Все мною виденное в Порт-Саиде произвело на меня самое тягостное впечатление, так как эта экспедиция делает нам стыд и позор. Вся команда состоит положительно из каких-то оборванцев, пьяных и шумящих на весь город. Днем и поздно вечером вся дружина бродит по улицам в невозможных костюмах, притом грязных и рваных от спанья на земле. К сожалению, между ними многие духовного звания и гуляют в рваных рясах. Все в веселом, бесшабашном настроении духа, кричат и

<sup>30</sup> Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. С. 53

<sup>31</sup> .Макеев С. «Геополитика» казака Ашинова.

<sup>32</sup> Донесение посла России в Турции А. И. Нелидова министру иностранных дел Н. К. Гирсу . 7 ноября 1888 г.

<sup>33</sup> Запись показаний П. Ф. Шелипенко, сделанная в генеральном консульстве России в Константинополе. 28 октября 1888 г.

<sup>34</sup> Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. С. 57

поют песни днем и ночью»<sup>35</sup>. Спустя некоторое время миссия была доставлена в Таджурский залив пароходом Австро-Венгерской компании. Все это путешествие проходило под пристальным наблюдением итальянцев и французов. Таджурский залив в это время был уже признан территорией подконтрольной Франции, и Ашинов, полагая, что в силу дружественных отношений с Россией (такие выводы он сделал, дважды посетив Францию), французы не будут чинить ему препятствий при обустройстве русского поселения на африканских берегах.

Местом для основания станицы «Новая Москва» послужила старая египетская крепость Сагалло, которую вскоре начали обживать поселенцы. Однако, из-за неоднородного состава экспедиции, моральный дух большинства поселенцев был чрезвычайно низок, и вскоре, попытка Ашинова скрепить коллектив военной дисциплиной обернулась дезертирством.

Французы, считая, что имеют дело с духовной миссией и её конвоем, действительно, не чинили ашиновцам никаких препятствий, ограничиваясь наблюдением и ожидая, когда процессия двинется вглубь континента – в Абиссинию. Однако ашиновцы продолжали обживаться на новом месте: высаживали привезенные с собой деревья, разбивали огороды. Завязалась оживленная переписка двух внешнеполитических ведомств – России и Франции, по поводу происходящего в Таджуре, и когда в очередной раз российская сторона заявила, что не имеет к данной экспедиции никакого отношения, Франция решила применить силу, если Ашинов не покинет форт Сагалло и не сдаст лишнее оружие<sup>36</sup>. «Вольный атаман» до самого конца не верил, что французы смогут применить силу, и вёл себя крайне высокомерно с пребывавшими к нему парламентариями<sup>37</sup>. В итоге, авантюра Ашинова закончилась тем, что «Новая Москва» была обстреляна с военных кораблей, погибли люди: женщины и дети. Все участники экспедиции и духовной миссии были арестованы. Французы предлагали услуги по дальнейшему сопровождению духовной миссии архимандрита Паисия, указывая на то, что ничего не имеют против её дальнейшего продолжения. Однако Паисий отказался и вскоре вернулся в Россию<sup>38</sup>. Ашинов, как и другие участники этой экспедиции, также был передан России.

Все эти события вызвали ажиотаж в Европе. Италия, отправила официальную ноту протеста Австро-Венгрии, за то, что пароход её компании осмелился доставить на Африканский Рог ашиновцев. Венский кабинет был вынужден принести итальянцам извинения, директор австрийского пароходства, которому принадлежала этот пароход, был снят со своего поста. Во Франции, кровопролитие, учинённое в Сагалло, вызвало возмущение политикой правительства, поддержавшего применение силы против граждан дружественного государства. В России же, с санкции правительства, данная тема усиленно замалчивалась, и не нашла должного отклика в прессе<sup>39</sup>.

<sup>35</sup> Выписка из донесения командира парохода Добровольного флота «Нижний Новгород» капитана 2 ранга П. И. Пташинского, сделанная в Морском министерстве.

<sup>36</sup> Письмо министра иностранных дел Н. К. Гирса управляющему Морским министерством вице-адмиралу Н. М. Чихачеву.

<sup>37</sup> Всеподданнейшая записка Н. К. Гирса императору Александру III. 3 февраля 1889 г.

<sup>38</sup> Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. С. 112

<sup>39</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в оценке российского общественного мнения в конце XIX - начале XX вв.

Ашиновская авантюра имела серьёзные последствия для становления русско-эфиопских отношений. Российская внешняя политика, наконец, активизировалась на этом направлении. Также обилие информации, о планах «вольного казака» и его деятельности, размещенной в прессе, оказало огромное влияние на и так существовавший интерес к этой стране со стороны российского общества.

## § 2.2 Экспедиции В.Ф. Машкова, А.В. Елисеева и Н.С. Леонтьева. Становление культурных и дипломатических русско-эфиопских связей.

Деятельность Ашинова, широко освещавшаяся в прессе, пробудила серьёзный интерес к Эфиопии в научной и военной среде. И в последующие годы российская внешняя политика, по-прежнему, правда, движимая поначалу, частными инициативами, активизировалась в данном регионе.

В конце 80-х гг. XIX в. военное министерство и министерство иностранных дел вели интенсивную переписку по поводу проекта подпоручика Виктора Фёдоровича Машкова. Ещё летом 1887 года он подал рапорт на имя военного министра Ванновского, в котором сообщалось о желании подпоручика отправиться в Абиссинию в качестве частного путешественника для ознакомления с внутривосточной обстановкой в стране, выяснить возможности установления с ней дипломатических отношений<sup>40</sup>. Осенью 1888 г. имя Машкова, уже поручика, вновь возникло в переписке Военного министерства в связи с «эфиопским проектом». Машкову, находившемуся в отпуске в Петербурге, удалось заинтересовать своими планами нескольких влиятельных лиц. Благодаря удачному стечению обстоятельств и собственной настойчивости Машкову 19 декабря того же года, ему удалось получить аудиенцию у военного министра, который пожелал лично выслушать сообщение о предполагаемой экспедиции. Машкову удалось произвести на Ванновского благоприятное впечатление, и вопрос о его поездке оказался решённым в три дня. 22 декабря на стол Александра III лёг всеподданнейший доклад военного министра о целесообразности командирования Машкова в Абиссинию<sup>41</sup>. Упреждая вопрос о возможных дипломатических осложнениях, министр в докладе отмечал, что Машков вызвался всё совершить частным образом, нигде не афишируясь, под видом корреспондента «Нового времени». Газета «Новое время» была в это время заинтересована в своём репортёре на Африканском Роге, в связи с экспедицией ашиновцев<sup>42</sup>. Машков должен был присоединиться к ашиновцам, и вместе с ними отправиться в Эфиопию. В итоге, вояж поручика Машкова частично финансировался газетой «Новое время» и частично военным ведомством. Министерство иностранных дел же, не было осведомлено о данном предприятии.

К счастью для себя, В. М. Машков, не успел отправиться вместе с «атаманом вольных казаков» на Африканский Рог, и был вынужден добираться до Эфиопии самостоятельно, что, правда, повлекло за собой большие финансовые издержки, к которым было не готово военное ведомство, спонсировавшее поручика. Также не удалось скрыть это предприятие от МИДа: о поручике, по слухам, направлявшемся в Эфиопию сообщил агент российского правительства в Египте, А.И. Кояндер<sup>43</sup>. Данное обстоятельство грозило испортить отношения между министерствами.

<sup>40</sup> Хренков А. В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) С. 31

<sup>41</sup> Там же. С.32

<sup>42</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в оценке российского общественного мнения в конце XIX - начале XX в. С. 91

<sup>43</sup> Хренков А. В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) С. 32

В первых числах февраля, когда Машков высадился в Обоке, последняя партия ашиновцев была уже депортирована французами на родину. Отныне поручику приходилось полагаться только на самого себя и своего добровольного ординарца, черногорца Сладко Златычанина. Преодолев пустыню и добравшись до границ Абиссинии, Машков был вынужден задержаться в Хараре. Чтобы следовать вглубь страны, требовалось разрешение негуса (императора) или официальное письменное поручительство своего правительства, без чего въезд иностранцам в предел страны был закрыт. Также, у Машкова закончились деньги для дальнейшего продвижения вглубь Африки. Оказавшись в затруднительном положении, Машков, через французскую администрацию Обока, отправил запрос в российское военное ведомство, об оказании дополнительной финансовой помощи, и просьбу связаться с МИДом, для получения официальных рекомендаций для негуса Абиссинии. В рекомендациях Машкову было отказано, а отправка денег затянулась. В итоге, Машков продолжил путешествие, заняв деньги у православных греков, живших в Хараре<sup>44</sup>.

В это время в самой Эфиопии происходили изменения, поспособствовавшие предприятию Машкова. В битве с махдистами погиб негус Йоханнис, завещавший трон своему незаконнорожденному сыну. Этим обстоятельством воспользовался правитель провинции Шоа Менелик, захвативший власть в стране. Будучи правителем Шоа, Менелик втайне от Йоханниса сотрудничал с итальянцами, однако, став негусом, он не собирался опираться только на них, понимая опасность для всей Абиссинии оказаться под властью Италии, и преступил к поиску союзников среди других европейских держав. Узнав об офицере из России, Менелик разрешил ему въезд в страну, не смотря на отсутствие официальных бумаг.

Вскоре россиянин прибыл в столицу Менелика – город Энтото, где был тепло встречен негусом. Менелик II с интересом расспрашивал его о России, царской семье, русской армии и многом другом, с каждым разом все более проникаясь симпатией к офицеру, который держался перед ним просто и скромно, не заискивал и ничего не просил<sup>45</sup>. Спустя месяц Машков отправился в обратный путь, увозя с собой дружеское письмо Менелика II Александру III, а также посланное в дар царю парадное эфиопское оружие и убранство.

Добравшись до Обока, Машков, наконец, получил финансовую помощь из России, которую, почти всю был вынужден раздать своим кредиторам. И в обратный путь он снова отправился почти без средств. В Египте он, представившись лицом, командированным в Эфиопию «по Высочайшему повелению», был снова вынужден просить финансовой помощи, теперь, у консула Кояндера, который, её оказав, незамедлительно сообщил об этом в МИД<sup>46</sup>.

Непредвиденные траты государственных денег, контакты с правителем иностранного государства, без имеющих на то полномочий и необоснованное прикрытие «высочайшим повелением» грозили, по прибытию на родину, большими проблемами для поручика. Однако, когда в МИДе ознакомились с отчетами о результатах его экспедиции, им была дана высокая оценка. Машков

---

<sup>44</sup> Там же. С. 32

<sup>45</sup> Там же. С. 33

<sup>46</sup> Там же. С. 37

был награждён орденом Св. Владимира 4-й ст. и удостоился аудиенции у императора, на которой передал Александру III послание и подарки от негуса Менелика.

Вскоре по возвращению в Петербург и ознакомлению с письмом, было решено сформировать новую экспедицию, теперь официальную, и под эгидой Русского Императорского географического общества, членом которого был избран В.М. Машков.

Эта поездка задумывалась как светско-духовная экспедиция с широким кругом задач политического, научного и религиозного характера и готовилась силами Военного министерства, Министерства иностранных дел и Синода. Работа данной экспедиции была рассчитана на три года.

Самой главной целью этой экспедиции в Эфиопию, было определение статуса этой далекой страны в международных отношениях. Пришедший к власти, благодаря помощи Италии, Менелик II подписал с ней в 1889 г. Уччальский договор. Согласно этому документу (его итальянской копии) Италия фактически провозглашала протекторат над Эфиопией, и все дипломатические отношения с другими государствами должны были осуществляться при её посредничестве.

В состав экспедиции, помимо самого Машкова его ординарца, были включены два духовных лица – иеромонах Тихон и причетник Григорий. В целях экспедиции значительное место предлагалось уделить религиозному вопросу - изучению степени близости эфиопского христианства и русского православия, что давно занимало богословские умы России<sup>47</sup>. В массовом же сознании (как уже указывалось в предыдущей главе) господствовало представление о единоверии русских и эфиопов.

Также, помимо официально утвержденных лиц, в экспедицию, по инициативе самого Машкова, отправились его брат и невеста. Данное обстоятельство послужило затем причиной некоторых трудностей<sup>48</sup>.

В мае 1891 года, экспедиция отправилась в путь. Уже в Африке, во Французских владениях среди участников экспедиции назрел конфликт, в результате которого, отец Тихон, причетник Григорий и брат Машкова покинули экспедицию и отправились в Россию. Далее экспедиция продолжалась без них.

За год работы экспедиции, отягченный болезнью Машкова, было собрано много полезной информации об Эфиопии. Было также установлено, что Менелик не признаёт итальянского протектората над Абиссинией. Машковым были получены ценные сведения, как об эфиопской церкви, так и об её государственном устройстве, её климате и рельефе. Были налажены тёплые отношения с правителем страны. Возвращаясь в Россию, Машков вёз с собой ответное письмо Менелика II Александру III, в котором негус просил оказать помощь в разрешении назревающего конфликта с Италией, а также отправки к нему русских военных специалистов. Также, послание и дары наследнику престола – Великому князю

<sup>47</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в оценке российского общественного мнения в конце XIX - начале XX вв. С. 91

<sup>48</sup> Хренков А. В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой). С. 38.

Николаю Александровичу, передал рас Меконнен, отец будущего императора Эфиопии Хайле Селассие.

На этот раз, результаты экспедиции не были по достоинству оценены военным ведомством. Сказался инцидент с вернувшимся раньше отцом Тихоном. Машкову вменяли в вину присутствие в экспедиции посторонних лиц, и денежные перерасходы. Однако, в МИДе результаты экспедиции были снова высоко оценены. 8 декабря 1892 г. товарищ министра статс-секретарь Н. П. Шишкин представил царю докладную о состоянии отношений с Абиссинией с пространными извлечениями из рапорта поручика. О нем самом в докладной было сказано: «Машков исполнил возложенное на него поручение... с совершенным успехом, не причинив притом никаких политических затруднений Императорскому Правительству. Он, таким образом, завязал впервые сношения России с Абиссинией, где был принят, по-видимому, с большим почетом». Царю отчет понравился, и он написал на полях: «Очень интересно»<sup>49</sup>.

Вскоре Машков (под псевдонимом В. Федоров) начинает публиковать в «Новом времени» очерки о своем путешествии, вызвавшие интерес у читающей публики и научной общественности. Однако военное ведомство, в первую очередь, в лице министра П.С. Ванновского и впредь очень предвзято относилось к поручику.

Последняя возможность «оправдаться» перед военным министром представилась Машкову в апреле 1893 г., когда он получил через Каир письмо харэрского грека Х. Попадопуло в котором тот (согласно договорённости, которая была заключена между ними во время последней экспедиции) сообщал поручику о последних политических новостях в стране и просил как можно скорее вернуться в Эфиопию в связи с назревавшими там политическими осложнениями. Препроводив письмо начальству, Машков просил известить его, намерено ли Военное министерство воспользоваться его услугами и командировать его в Абиссинию. Около двух недель вопрос висел в воздухе. Ванновского кандидатура Машкова категорически не устраивала, и 4 мая на рапорте Машкова он наложил резолюцию: «Поручик Машков так неаккуратен в денежном отношении, так самонадеян и так груб и деспотически относится к сотоварищам, ему придаваемым, что послать его вновь... можно решиться, лишь если он письменно обяжется не жить роскошно на счет казны, не жировать на казенные отпуска, не делать передержки в назначенных кредитах и стать в приказные отношения к другим»<sup>50</sup>.

Получив такой ответ, Машков подал прошение об отставке. Вскоре после увольнения с военной службы он, получив чин титулярного советника, был принят на службу в МИД и в октябре 1894 г. получил назначение секретарем российского консульства в Багдаде.

Построение дальнейших отношений с Эфиопией, также были связаны с частными инициативами россиян. Инициатором следующей экспедиции стал гвардии поручик запаса, есаул Кубанского казачьего войска Николай Степанович Леонтьев.

<sup>49</sup> Всеподданнейшая записка статс-секретаря Н.П. Шишкина императору Александру III.

<sup>50</sup> Резолюция военного министра В.П. Ванновского, касаемо дела поручика В. Машкова

Как следует из записей его дневника, желание организовать экспедицию в Эфиопию родилось у него «из желания показать всему миру, что мы, русские, можем служить родине, и притом не прибегая к огню и мечу, не хуже англичан, французов и немцев, свивших себе при помощи этих двух факторов прочные гнезда в Африке»<sup>51</sup>.

Планами своей экспедиции ему удалось заинтересовать Русское Императорское географическое общество (действительным членом которого он уже был), академию наук, военное ведомство и Святейший Синод. Также экспедиция была поддержана пожертвованиями церкви, общественных организаций и частных лиц, заинтересованных в налаживании торговых связей с данным регионом. Экспедиция Леонтьева была объединена с экспедицией известного русского путешественника конца XIX века, доктора А.В. Елисеева, которому предписывалось после, из Абиссинии, направиться в южный Судан. Руководителем всей экспедиции назначался Леонтьев. Всего экспедиция состояла из 11 человек, в числе которых был архимандрит Ефрем (в миру доктор М.М. Цветаев), мальчик-абиссинец, в качестве переводчика и штабс-капитан К.С. Звягин. Официально в задачи экспедиции входило «... изучение течения светил небесных, стран земли, веры, законов, нравов и обычаев народов, на земле обитающих, животных, на земле водящихся, и растений»<sup>52</sup>.

Из Одессы экспедиция отправилась в декабре 1894 года, и не без трудностей, в марте 1895 года добралась до столицы Абиссинии. Трудности в пути чинили местные колониальные власти европейских держав, да и в целом данная экспедиция, широко освещавшаяся в прессе, обратила на себя пристальное внимание. Причиной тому могло послужить присутствие духовного лица, что многие расценивали как признак духовной миссии, направленной русской православной церковью. Это вызывало серьезные опасения за рубежом, в силу распространённого мнения о единоверии эфиопов и православных. Более того, в самой Абиссинии, появление священника расценивалось также, и не смотря на частный характер экспедиции, под эгидой Русского Императорского географического общества, в Абиссинии экспедиция была удостоена торжественной встречи. Руководитель экспедиции – Леонтьев, имея авантюрные черты характера, хотел воспользоваться этим, и заявить в Эфиопии об официальном статусе всего предприятия, что вызвало активный протест со стороны доктора Елисеева, который так и не отправился из Эфиопии на север – в Судан, не получив на то, разрешения военного ведомства<sup>53</sup>.

Экспедиция пробыла в Абиссинии полгода, собрав богатый этнографический материал и ценные сведения о ситуации на Африканском Роге. В это время уже назревал открытый конфликт Эфиопии с Италией, и шли приготовления к боевым столкновениям. Негусу Менелику II, было необходимо заручиться поддержкой европейских стран в предстоящей войне. И летом экспедиция Леонтьева отправилась в обратный путь, сопровождая в Санкт-

<sup>51</sup> Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. С.24.

<sup>52</sup> Виноградова К.В., Кирей Н.И. Роль есаула Н.С. Леонтьева в установлении российско-эфиопских дипломатических отношений в кон. XIX в. С. 2.

<sup>53</sup> Виноградова К.В. Поездки российских путешественников в страны Ближнего Востока и Африки в конце XIX – начале XX вв. (на примере экспедиций капитана А.В. Елисеева)

Петербург первое чрезвычайное посольство, состоявшее из двух принцев и личного секретаря негуса – Ато-Иосифа. Перед посольством стояла задача заручиться поддержкой Российской империи в предстоящей войне с Италией.

Так частные инициативы русских путешественников, находившие поддержку правительства, привели к становлению дружественных контактов России с Абиссинской империей, и налаживанию сотрудничества между государствами. Такое сотрудничество соответствовало внешней политике России в конце XIX века, которое характеризовалось сближением с Францией, противостоявшей политике Италии и Великобритании в данном регионе. Франция старалась обеспечить статус-кво в отношении Абиссинии, дабы не допустить значительного усиления Италии и Великобритании в районе Африканского Рога, и в целом на Африканском континенте.

### § 2.3 Россия и Итало-Эфиопская война. Деятельность членов первой дипломатической миссии России в Эфиопии.

К 1895 году между Эфиопией и Россией наметились крепкие дружественные отношения. Посольство, прибывшее летом 1895 года в Россию, было торжественно встречено. В ходе почти двухмесячного пребывания в Москве и Петербурге, гости посетили крупнейшие соборы, были приняты в аристократических салонах, а 13 июля 1895 г. состоялась аудиенция, на которой присутствовала вся царствующая семья<sup>54</sup>. Данное событие знаменует собой начало нового этапа в становлении отношений между государствами, характеризующегося крепкими официальными связями. После 1895 года в Абиссинии заметно увеличилось количество российских граждан, как путешественников, так и специалистов. Начавшаяся в 1895 году война Италии с Абиссинией, вызывала глубокое сочувствие в русском обществе, к «нашим чёрным единоверцам». В Абиссинию устремились русские добровольцы, желавшие оказать помощь дружественной африканской стране. Итогом этого всего, стало установления постоянных дипломатических связей, на уровне миссий, которое состоялось в 1897 году.

В сентябре 1895 года, первое чрезвычайное посольство Эфиопии, отправилось в обратный путь из России, вместе с есаулом Леонтьевым и военными специалистами. Также Леонтьеву удалось убедить русское правительство, отправить в дар Менелику II 30 тысяч винтовок, 5 миллионов патронов и 6 тысяч сабель, которые были оформлены как купленные французским посредником Л. Шефне. Правда, в дальнейшем, это оружие, следовавшее в Эфиопию на нидерландском пароходе «Доэльвик», было арестовано итальянцами, и Менелик получил этот дар от российского правительства только после окончания войны<sup>55</sup>.

В декабре 1895 года, когда посольство уже, вместе с Леонтьевым и российскими военными специалистами, вернулось в Эфиопию, Италия начала войну. По мнению некоторых историков и публицистов того времени (а так и самому Н.С. Леонтьеву, согласно его воспоминаниям) именно русские добровольцы и сам есаул Леонтьев повлияли на выбор партизанской тактики ведения войны с итальянцами<sup>56</sup>. Результатом выбранной тактики стала победа эфиопских войск над итальянцами в битве при Адуа в марте 1896 года. Сам есаул Леонтьев принял участие в этом сражении, и в мае 1896 года, получил от Менелика II титул графа Абая.

Вскоре после этой победы от России поступило предложение обеим сторонам об оказании медицинской помощи раненым в сражении и организаций миссий Красного креста. Италия ответила гордым отказом, Менелик II с радостью согласился на поступившее предложение. Спустя десять дней, после битвы, в Эфиопию двинулся санитарный отряд, который состоял из семи врачей, одного

<sup>54</sup> Виноградова К.В., Кирей Н.И. Роль есаула Н.С. Леонтьева в установлении российско-эфиопских дипломатических отношений в кон. XIX в. С. 4.

<sup>55</sup> Морозов Е.В. Российско-Эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию.

<sup>56</sup> Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией .С.65.

фармацевта, четырех студентов-медиков старших курсов, четырех классных фельдшеров, двадцати сестер милосердия и шестнадцати санитаров из нижних воинских чинов, под общим руководством генерал-майора Н.К. Шведова<sup>57</sup>.

Сопровождать отряд вызвался поручик лейб-гвардии Гусарского полка Александр Ксаверьевич Булатович. Он совершает беспрецедентный пробег через Данакильскую пустыню и горные перевалы из Джибути в Харар, преодолев расстояние свыше 350 вёрст за 3 суток и 18 часов, что на 6—18 часов быстрее, чем это делали профессиональные курьеры<sup>58</sup>. Цель этого пробега состояла в том, чтобы известить руководство Абиссинии о прибытии миссии. В конце этого пути его тепло встретил и оказал помощь Николай Леонтьев. Силами санитарного отряда Российского Красного креста был развернут госпиталь на 33 кровати, который проработал до октября 1896 года<sup>59</sup>. На церемонии передачи госпиталя Абиссинии со всем оборудованием, которая состоялась перед отъездом миссии, негус Менелик II поднял над госпиталем абиссинский национальный флаг, рядом с флагом красного креста, и заявил, о переходе Красного креста в Эфиопии под покровительство его жены императрицы Таиту. По отъезду отряда Красного Креста негус Менелик начал вскоре просить российское руководство вновь об отправке из России врачей, взамен уехавших, так как «он сам и народ, впервые познакомившиеся с методами лечения и увидавшие блестящие результаты лечения и операций, были поражены всем ими виденным»<sup>60</sup>.

А.К. Булатович, после того как миссия Красного креста покинула Эфиопию, испросив разрешения у военного ведомства, остался в Африке. Оставшись в Эфиопии он совершил экспедицию в юго-западную часть Абиссинского нагорья. Заслуга А. К. Булатовича заключается в том, что он впервые нанес на карту значительную часть речной системы юго-запада Абиссинского нагорья, описал ее и указал истоки многих рек. Также, по итогам экспедиции, им была написана книга «От Энтото до реки Баро».

Война с Италией завершилась вскоре после Адуа, позорным для Италии миром. Николай Степанович Леонтьев убедил Менелика II, оправить его в Рим, в качестве советника секретной миссии. В августе 1896 года он прибыл в Италию, где изложил условия мира, предложенные Менеликом, однако, не смотря на встречающуюся в литературе информацию, никаких политических переговоров с Италией не вёл<sup>61</sup>. После Рима, Леонтьев отправился в Россию, где представил в военное министерство своё сочинение «Абиссинская армия», в котором были подробно описаны строй, комплектование, знаки отличия и тактика вооруженных сил Абиссинии. Также Леонтьев направил записки в министерство иностранных дел и министерство финансов, где описывал перспективы дальнейшего сотрудничества России и Абиссинии. После, новоиспечённый граф Абай, в качестве представителя Менелика направился в Константинополь, где вёл переговоры с султаном, по поводу передачи эфиопской церкви некоторых

<sup>57</sup> Соколова В.А. Российское общество красного креста в военных конфликтах (1870-1902 гг.)

<sup>58</sup> Кридач Ф. Русский кавалерист в Абиссинии. С. 4.

<sup>59</sup> Лебединский М.И. Первый госпиталь в Абиссинии (Из личных воспоминаний). С. 5.

<sup>60</sup> Соколова В.А. Российское общество красного креста в военных конфликтах (1870-1902 гг.)

<sup>61</sup> Морозов Е.В. Российско-Эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию.

пределов Иерусалимского храма. Через год он снова посетил Константинополь, с этим же вопросом<sup>62</sup>.

Граф Абай-Леонтьев заслужил исключительное положение при дворе абиссинского негуса, в дальнейшем, продолжая хлопотать о поставках оружия в Абиссинию. В 1897 году он снова сопровождал, теперь уже второе посольство в Россию. Стремясь активизировать русско-эфиопские отношения, Н.С. Леонтьев обратился к министру финансов С.Ю. Витте с докладной запиской «Экваториальные провинции Абиссинии как возможная опора нашего влияния в этой стране и на востоке Африки», в которой предполагал сформировать русско-эфиопское акционерное общество для проведения совместной коммерческой деятельности. Но данная записка осталась без ответа.

Результатом второго Абиссинского посольства стало то, что в 1897 г. между Россией и Абиссинией были установлены дипломатические отношения на уровне миссий. Российскую миссию, которая отправилась в Африку в том же году, возглавил П.М. Власов. К ней были прикомандированы офицеры генерального штаба: Л.К. Артамонов и Г.Г. Чертков. Также была уважена просьба Менелика об отправке в Абиссинию очередной группы врачей, и в состав миссии, вошел особый отдел — санитарный, состоявший из двух врачей, одного фармацевта и двух классных фельдшеров. Военным конвоем всей миссии, командовал есаул П. Н. Краснов, в будущем генерал и один из лидеров Белого движения в России. А.К. Булатович, только вернувшийся, в это время из Абиссинии, вызвался быть курьером, и снова отправился в Африку, дабы сообщить Менелику II, о скором приезде чрезвычайной миссии.

Миссия прибыла в новую столицу Абиссинии, строившуюся Менеликом II Аддис-Абебу в декабре 1897 года. Миссии был оказан торжественный приём. Как писал Л.К. Артамонов: «никогда еще абиссинцы не встречали так торжественно и радостно «белых людей» и никому из дипломатических представителей европейских держав не оказывали такого почета»<sup>63</sup>, ссылаясь на слова долго проживших в Абиссинии европейцев.

Вскоре члены миссии развернули в Абиссинии активную деятельность. Спустя месяц, после прибытия, был оборудован госпиталь с амбулаторией, хотя приём больных начался сразу же по прибытию врачей в страну. Позже, для госпиталя, швейцарским инженером Ильгом (находившимся при Менелике с 1879 года, и имевшего, также, должность министра иностранных дел Абиссинии) было выстроено каменное здание из рыхлого известняка. Помимо этого, была построена отдельная операционная. Также планировалось выстроить новые помещения для аптеки и кухни, что, правда, было осуществлено гораздо позже<sup>64</sup>. Фактически госпиталь начал функционировать с лета 1899 г., хотя капитальные работы были закончены лишь к осени того же года, а внутренняя отделка потребовала еще значительного времени. Профессор М.И. Лебединский, работавший в этом госпитале, писал, что: «Услугами госпиталя пользовалось в широких размерах все население Абиссинии, без различия сословий и классов, начиная с императора,

<sup>62</sup> Виноградова К.В., Кирей Н.И. Роль есаула Н.С. Леонтьева в установлении российско-эфиопских дипломатических отношений в кон. XIX в. С. 15.

<sup>63</sup> Артамонов Л. К. Как я попал в дебри Африки. С. 11.

<sup>64</sup> Лебединский М.И. Первый госпиталь в Абиссинии (Из личных воспоминаний). С. 9.

императрицы, их родственников и лиц приближенных, митрополитов и кончая полуголодными, полуголыми поденщиками гурауги и неграми-рабами... Вся европейская колония, от посланников великих держав до последних их слуг, частные лица всех держав: французы, англичане, итальянцы, греки, армяне, индусы, все обращались постоянно к помощи русских врачей и русского госпиталя»<sup>65</sup>.

Особенно активной была деятельность русских офицеров, прибывших в составе дипломатической миссии.

После 1896 года, политика Менелика II, доказавшего победой над Италией, право на существование и независимость своего государства, была направлена на расширение границ, и подчинение новых племен, живших к югу и западу от провинции Шоа. В лице русских специалистов, прибывших в составе миссии, Менелик II получил помощников и преданных соратников. Также, во многом благодаря им, в Эфиопии появляются подразделения армии, укомплектованные по европейскому образцу.

Помимо этого, русские офицеры непосредственно участвовали в военных экспедициях абиссинских войск.

По поручению Менелика, полковник генерального штаба Л.Д. Артамонов присоединился к войску деджамача Тасама, отправившегося в 1897 году к берегам Белого Нила. Артамонову было поручено составить военно-статистическое описание и карту территорий до рек Собат и Белый Нил. Целью самой экспедиции было присоединение данных территорий к Абиссинской империи. Войска деджамача Тасама смогли дойти только до р. Собат, далее Артамонов, собрав «летучий отряд» из абиссинских кавалеристов, оставив основные войска, отправился до Белого Нила самостоятельно, успешно достигнув его и вернувшись обратно, составив подробный отчёт для Менелика. В этом походе Артамонов, и сопровождавшие его два казака, встретились со многими серьёзными трудностями. Более того, весь отряд деджамача Тасама большую часть времени не мог связаться с отправившим его в поход негусом. Этот поход, по неизведанным землям представлялся настолько сложным, что в Аддис-Абебе, из-за отсутствия вестей от отряда, полковник Л. Артамонов считался пропавшим, или даже погибшим. Не было даже вестей, смог ли Артамонов добраться до отряда Тасама. Спустя год, после отъезда Артамонова из абиссинской столицы, на его поиски из России в Африку был направлен поручик К. Арнольди, с которым Артамонов встретился на обратном пути в Аддис-Абебу<sup>66</sup>. Стоит заметить, что данные военные мероприятия происходили во время острого дипломатического кризиса между Англией и Францией, по поводу Фашоды, непосредственно примыкавшей к этой территории. Также, одной из целей данного мероприятия была поддержка французского отряда майора Маршана, который занял Фашоду. Правда, соединиться с Маршаном ни полковнику Артамонову, ни войскам Тасама не удалось.

Также, в этот период был организован один из походов к озеру Рудольфа, с участием русских военных отставников. В нем участвовали офицеры

---

<sup>65</sup> Там же. С. 25.

<sup>66</sup> Артамонов Л.К. Пребывание в корпусе Тасама. С. 25-40.

добровольцы, такие как Шедевр, Бабичев, Агапов, Адзеев и Петров. В отряде из 2000 абиссинских конников и пехотинцев были и русские казаки. Отряд потерял 216 человек убитыми и несколько раненых, среди которых были Шедевр и казак Гогасов. Н.С. Леонтьев, бывший руководителем экспедиции, и имевший, к тому времени, звание деджамача эфиопской армии, позднее доложил Менелику, что экспедиция увенчалась успехом, и руками поручика Шедевра над берегом озера Рудольфа был поднят Эфиопский флаг<sup>67</sup>.

В 1898 году поручик Г.Г. Чертков, принял активное участие в походе раса Мекконена в область Бенни-Шангуль<sup>68</sup>. В том же году Булатович участвовал в походе под началом деджамача Вальде Георгиса, к истокам озера Альберта. В ходе данной экспедиции Александр Ксаверьевич стал одним из первых европейцев посетивших страну Кафу. Незадолго до появления там Булатовича, страна эта была силой присоединена к Абиссинии, и Булатовичу представилась уникальная возможность, ознакомиться с культурой кафитов, до того, как они были ассимилированы завоевателями<sup>69</sup>.

Все экспедиции, в которых принимали участие русские офицеры, завершились успехом. К Абиссинии в 1896-1900 гг. были присоединены значительные территории, а российские офицеры составили карты новых земель (что позволило императору обосновать законность прав на эти земли) и оставили описание действий, в которых принимали участие.

В итоге – во второй половине 90-х гг. XIX в. русскими специалистами в Эфиопии была развернута беспрецедентная по своим масштабам деятельность, в интересах, прежде всего, Эфиопии, направленная на расширение владений и упрочение международного статуса государства.

В 1899 году, первая российская дипломатическая миссия в Эфиопии завершила свою работу. Эфиопию покинули и многие русские офицеры. Деятельность участников миссии, и её руководителя П.М. Власова, была по достоинству оценена российским правительством. Русский госпиталь в Аддис-Абебе, продолжил свою работу и в дальнейшем.

### **Вывод.**

Эфиопия, далёкая африканская страна, привлекающая во второй половине XIX в. пристальное внимание к себе европейских держав, со сложившимся к тому времени положительным образом в российском обществе, привлекла к себе внимание русских путешественников. Из всего вышеизложенного можно заключить, что именно благодаря их частным инициативам российское правительство также обратило своё пристальное внимание к данному региону. Россия, в конце XIX в. активно участвовала в делах на Африканском Роге, сотрудничая здесь с Францией, что входило в общую канву российской внешней политики данного периода.

<sup>67</sup> Виноградова К.В., Кирей Н.И. Роль есаула Н.С. Леонтьева в установлении российско-эфиопских дипломатических отношений в кон. XIX в. С. 15

<sup>68</sup> Гоков О.А. Офицеры Генерального штаба в Африке.

<sup>69</sup> Булатович А.К. Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа. С. 12-34.

Как указывалось в первой главе, интерес России к Эфиопии основывался на трёх направлениях: культурном (религиозном), геополитическом и экономическом.

Первое направление послужило причиной активного интереса к Эфиопии Святейшего Синода, что вылилось в поддержке этим органом авантюры Н.И. Ашинова, с которым на Африканский Рог была направлена духовная миссия архимандрита Паисия. Также во второй экспедиции поручика В.Ф. Машкова планировалось участие отца Тихона, который в силу разногласий с руководителем экспедиции так и не добрался до Эфиопии. В дальнейшем Святейший Синод принимал активное участие в подготовке экспедиции Н.С. Леонтьева, в составе которой Эфиопию посетил архимандрит Ефрем (Цветаев).

Геополитический интерес, на первых этапах становления русско-эфиопских отношений, сопровождался противоречиями во взгляде на эту проблему между различными ведомствами, в первую очередь: морского, военного и министерства иностранных дел. МИД вёл более аккуратную и взвешенную политику, что вылилось в категорическое нежелание поддержать ашиновскую авантюру, на что, в определённый момент согласились и военный и морской министры. В последующем это обернулось тем, что военное ведомство, в свою очередь, не решилось осведомить о своих планах МИД, когда дело касалось предприятия В.Ф. Машкова. Осторожность МИДа можно объяснить тем, что в конце 80-х годов, когда началась «ашиновская эпопея» отношения России и Франции – страны, которая имела свои владения на Африканском Роге, только строились в дружественном ключе, и резкие шаги – наподобие строительства русской фактории в этом регионе, могли мгновенно испортить так тщательно выстраиваемые дружественные отношения. Однако, стоит заметить, что когда эти дружественные отношения оформились, МИД активно включился в Абиссинские дела, согласовывая свои действия с внешней политикой Франции.

Экономический интерес России, в Эфиопии также играл серьёзную роль в планах Ашинова. Так, один из его покровителей: Нижегородский генерал-губернатор Н.М. Баранов, встав на сторону «атамана вольных казаков», имел планы по созданию русско-абиссинской торговой компании. В дальнейшем, подобные планы были и у есаула Н.С. Леонтьева. Впрочем, ни тот ни другой план не были поддержаны ни государством, а, следовательно, и купечеством.

Стоит заметить, что был еще один фактор, вытекавший, по большому счёту из первого. Это сочувствие русских «нашим чёрным единоверцам», в силу сложившихся симпатий. Ведь стоит учесть, что вся деятельность русских в Эфиопии, носила альтруистический характер. Русские врачи безвозмездно лечили абиссинцев, а русское правительство тратило существенные суммы денег для организации экспедиций, обслуживание дипломатической миссии и поставки в Абиссинию стрелкового оружия. Также, многие офицеры добровольно и безвозмездно отправились в Эфиопию, перед началом итало-эфиопской войны, а затем, офицеры, прибывшие вместе с дипломатической миссией тратили много сил в завоевательных походах негуса Менелика.

## Глава 3. Образ Эфиопии в трудах русских путешественников XIX века.

### § 3.1 Образ народа и религии Эфиопии в трудах русских путешественников.

Русские путешественники, посетившие Эфиопию в конце XIX, оставили после себя многочисленные сочинения об этой стране. Эти работы наравне с информацией, появляющейся в периодических изданиях того времени, в значительной степени повлияли на развитие образа эфиопов и его интерпретации в сознании российского общества. Эти работы имели ценность первоисточника и знакомили читателей с жизнью далекой африканской страны. Вместе с тем авторы таких произведений, воспитанные в иной среде и под влиянием иной культуры, невольно являлись носителями лишь собственно унаследованных ими представлений, перенесенных в африканскую действительность и не всегда совпадавших с ней.

Подобная точка зрения, что европейские, в том числе и российские, путешественники, посещая Эфиопию, а затем, описывая её в силу культурных особенностей, не являются в полной мере объективными, высказывалась уже в XIX веке. Российский исследователь Эфиопии Е.Е. Долганев, автор книги «Страна Эфиопов (Абиссиния)», указывал что: «Ошибка всех описателей Абиссинии, оказывается, в том, что они, изображая жизнь народа, редкого и исключительного по быту и этнографическим особенностям, пользовались аналогиями и терминами, заимствованными из сферы современной жизни культурных народов или из жизни народов восточных, более нам известных, но, в сущности, мало похожих на абиссинцев»<sup>70</sup>.

Известный исследователь культурной идентичности африканских народов Р. Н. Исмагилова, вскрывая механизм появления различных стереотипов восприятия абиссинцев другим народом, отмечала: «Представление об Африке и африканцах, их истории, религии и культуре, в течение длительного времени складывались и эволюционировали в целую систему взглядов, которую можно обозначить как «миф об Африке»». Развитие данного процесса, по мнению исследовательницы, началось в эпоху накопления европейцами первоначальных знаний об африканском континенте в эпоху географических открытий и ускорилось к середине XIX столетия, в период интенсивного освоения европейцами континента, в том числе его внутренних районов с их последующей колонизацией<sup>71</sup>. Для России, не участвовавшей в великих географических открытиях в этом регионе, первичные представления об Африке и Эфиопии поступали, как указывалось в первой главе, из европейских источников и паломнической литературы. И то и другое оказало существенное влияние на восприятие российским обществом Африки, и Эфиопии в частности.

Из этого следует, что в Эфиопию русские путешественники уже приезжали со сложившимися стереотипами о народе этой африканской страны, что накладывало свой отпечаток на их восприятие эфиопской действительности и в дальнейшем, отражалось в их работах. Стоит, также, заметить, что в Эфиопию

<sup>70</sup> Долганев Е.Е. Страна Эфиопов (Абиссиния) С. 4.

<sup>71</sup> Исмагилова Р.Н. Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе. С. 18.

отправлялись, в основном, люди заинтересованные этой страной, то есть, до этого, хорошо ознакомившиеся с доступной о ней информацией. Эфиопия, вызывавшая сочувствие и крепкие симпатии со стороны российского общества, представлялась страной исключительной, прежде всего, в силу своих древних христианских традиций, о которых давно было известно в России. Всё это послужило тому, что образ абиссинца был неразрывно связан с его религиозными воззрениями. Причём, в силу этих воззрений, его образ, как и всей Эфиопии, противопоставлялся образу остальной Африки, который, в свою очередь, сформировался в российском обществе благодаря европейской литературе.

Русский офицер К.С. Звягин, посетивший Эфиопию в составе экспедиции Н.С. Леонтьева в 1895 г., отмечал что «...рядом с действительно полудикими племенами данкали, галла и сомали в северо-восточном углу Африки существует государство, имеющее самобытную и древнюю цивилизацию», которая, хотя и «не выразилась в успехах экономических, в искусстве, литературе и прочем, но отразилась в глубоко христианском складе понятий... Это христианство было не тою личиною и внешнею формой, какою оно являлось у латинян и в особенности у кичащихся своею цивилизованностью итальянцев – оно глубоко проникло в миросозерцание абиссинца, который упорно стремится жить по заповедям христовым»<sup>72</sup>. «В данное время Абиссиния, - писал в своих воспоминаниях другой российский современник и путешественник по Африке А. К. Булатович, - со своей старой культурой, христианством и сложившимся государственным строем, представляет из себя, как бы, остров среди остальных находящихся почти в детском состоянии народов»<sup>73</sup>.

Известный российский публицист конца XIX в. Ф.Ф. Пуцыкович, также, отмечал что: «Абиссиния – одно из самых древних государств. Оно существовало под именем Эфиопии еще за полторы тысячи лет до Р. Х., когда нынешних европейских государств не было еще и в помине, когда Европа населена была полудикими народами»<sup>74</sup>.

Однако данная точка зрения, об исключительности народа Эфиопии, не совпадала с широким общественным мнением о нём в Европе, и на это также указывали русские путешественники. Европейцам вменяли пренебрежительное отношение к эфиопской культуре.

Своими произведениями, русские путешественники и исследователи Эфиопии, только поддерживали положительный образ её жителей, как раз апеллируя к древности их христианской религии, и их набожности, «патриархальности». Уделявший заметное внимание изучению религиозной жизни эфиопов архимандрит Ефрем (в миру доктор М. М. Цветаев) отмечал, что «абиссинцы очень религиозный, добрый и трудолюбивый народ, которому свойственно древнее благочестие и приверженность православию». По мнению архимандрита, они строго соблюдали посты и обряды и, «считая себя вполне единоверными с русскими, греками и другими православными народами»<sup>75</sup>, чуждались католиков и протестантов, как еретиков. «В их жизни, быте, нравах,

<sup>72</sup> Звягин К.С. Очерк современной Абиссинии. С. 34.

<sup>73</sup> Булатович А.К. От Энтото до реки Баро. С. 26.

<sup>74</sup> Пуцыкович Ф. Ф. Абиссинцы. Чтение для народа.С. 3.

<sup>75</sup> Ефрем (Цветаев). Поездка в Абиссинию. С. 64.

законах и образовании, – всюду видно религиозное влияние», - указывал священник. Гусар А.К. Булатович, связавший с Эфиопией несколько лет своей жизни, а позже, принявший монашеский постриг, также писал об эфиопах «Они очень близки к православию, глубоко верующие христиане, сохранившие в себе много особенностей, древней апостольской церкви»<sup>76</sup>.

Не только русские путешественники говорили об уникальности эфиопов, противопоставляя россиян европейцам, которые «бездуховны» и не признают ценности эфиопской культуры. Подобную точку зрения широко тиражировали и российские газеты. Автор влиятельного московского издания подчеркивал: «Эта старая культура – библейская... В Абиссинии библейские воззрения столь же прочны, как и воззрения христианские, причем последние сохранились в большой чистоте – в какой они сохранились на православном Востоке»<sup>77</sup>. В то же время, в Европе, эфиопское христианство преподносилось как полудикое учение, вобравшее в себя некоторые элементы христианства и иудаизма, но оставшееся, в большинстве своем примитивным и суеверным.

Стремившаяся постоянно находиться в курсе восточноафриканских событий газета «Московские Ведомости» отмечала в статье «Кто такие абиссинцы?» особое религиозное родство эфиопов-христиан с русскими: «... видя в верованиях и обрядах русских те же древние верования и обряды, к которым они привыкли с детства, (абиссинцы) увидели в русских своих единоверцев и своих покровителей. Абиссинцы очень благочестивы и соблюдают много постов и так же как и православные, постятся по средам и пятницам».

Мысль о возможном единстве абиссинской церкви с Русской Православной церковью была широко распространена в российском обществе, более того, русские путешественники, как было указано выше, также разделяли мнение о возможности соединения церквей. Причины появления подобных суждений, в конце 80-х гг. XIX века определил неизвестный эфиопский католик, написавший краткий меморандум «Различие в вере между эфиопами и русскими», который затем, был переведён на русский язык В.М. Платоновым и С.Б. Чернецовым. В меморандуме указывалось что: «Русская церковь может говорить, что она схожа с эфиопской (только) в отношении церковного чина, т.е. в отправлении литургии, в подании крещения, во внутреннем устройстве храма, в календаре (начале праздников), в облачениях (священнослужителей) и, наконец, в неподчинении папе Римскому, являющемуся главой всех католиков»<sup>78</sup>. Но что касалось основополагающих аспектов, эфиопская монофизитская и русская православная церкви были, по сути, различными, ибо «...всякое заявление об общности и единстве веры разрушается при появлении трех вероисповедных положений»<sup>79</sup>. Эти положения, приведённые безымянным эфиопом, были следующими: «1-е. Русская церковь говорит, что в Иисусе Христе два естества, Божеское и человеческое, пребывают нераздельно и неслиянно, что эти два естества имеют две воли, но только одну ипостась, и называет Бога и человека в единстве одним словом — Богочеловек. Это вероопределение совершенно то же самое, что было

<sup>76</sup> Булатович А.К. С войсками Менелика. С. 45.

<sup>77</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения. С. 147.

<sup>78</sup> «Различие в вере между эфиопами и русскими» — краткий меморандум неизвестного эфиопского католика конца XIX века.

<sup>79</sup> Там же.

определено и на Халкидонском соборе. Оно противоположно учению Диоскора, принятого эфиопской церковью. 2-е. По русскому месяцеслову 18 якатита 15 чествуется праздник святого Льва, папы Римского. Особенно превозносится то его деяние (читай русский месяцеслов), что он написал письмо патриарху Константинопольскому Флавиану, показывающее, что в Иисусе Христе — два естества. Это произошло из-за учения Евтихия, гласящего, что Господь наш Иисус Христос по воплощении имел только одно Божеское естество. Верить в святость папы Римского Льва, которого сегодня русские чествуют как святого, и полагать, что папа Римский Лев сам называл патриарха Диоскора еретиком, — это очень сильный удар по эфиопскому обычаю. 3-е. Русская церковь субботы не почитает, а эфиопская почитает. Такое желание насильственно упразднить почитание субботы было одной из главных причин, вызвавших в XVI веке восстание против португальской католической пропаганды»<sup>80</sup>.

В 1888 году известный русский исследователь церкви В.В. Болотов выступил в Петербургской Духовной академии с докладом «К вопросу о соединении абиссин с православной церковью». В своём докладе Болотов разобрал миссионерскую политику в Эфиопии европейских держав, которая была крайне неэффективной. Подробно рассмотрев объективные затруднения европейских миссионеров, Болотов задается вопросом: «Но, может быть, эти неудачи и протестантов и католиков составляют ручательство за успех православной миссии, которая прямо может опереться на сочувствие абиссин православию?» и дает на это отрицательный ответ: «православная миссия, явившись в Абиссинию, не должна рассчитывать на сочувствие православию как на данное. Большой разницы между католичеством и осторожным, лукавствующим папизмом простой абиссин может и не найти, а ученый охладает к русской церкви, когда узнает, что и мы, как протестанты и католики, признаем во Христе два естества и две воли, приемлем халкидонский собор и томос Льва и смотрим как на еретиков на Диоскора и его consortes и на монофизитство как на ересь. Ведь только небогослов может предполагать, что к основному пункту абиссинского учения мы относимся как-нибудь иначе, а не так, как оба западноевропейских вероисповедания»<sup>81</sup>.

В своём докладе, В.В. Болотов, указывал, также на некоторые черты абиссинцев, о которых не упоминала русская пресса, но о которых, однако, было известно из сочинений европейских авторов. Чертой этой, было чувство собственного превосходства эфиопов, не только над жителями соседних «варварских» стран, но даже, над пришлыми белыми европейцами. В докладе говорилось, что абиссинец, даже принимая другую веру, считает это невероятным одолжением для пришлого человека, и считает, что это одолжение должно оцениваться за услугу, которая должна быть щедро вознаграждена<sup>82</sup>. Данная черта характера абиссинцев полностью противоречила заявлениям, об их искреннем желании присоединиться к русской православной церкви. Многие исследователи, указывали, что эфиопы очень трепетно относились к своей религии, к устоявшимся традициям в ней, и трудно представить, что будучи, одновременно, очень гордым народом, они бы решили предать веру предков.

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> Болотов В.В. К вопросу о соединении абиссин с Православной Церковью. С. 23.

<sup>82</sup> Там же. С. 9.

При более близком знакомстве русских путешественников с населением Абиссинии, для них открывались новые черты присущие абиссинцам. Так, А.К. Булатович писал: «Трудно себе представить, сколько противоположностей соединяются в одном лице, как они соединяются в характере абиссинца». «Если позволить себе немного вольное сравнение, - продолжал путешественник, - то вот как можно охарактеризовать абиссинца. Он талантлив и восприимчив, как француз, по своей практичности, манере обращаться с завоеванными и по своим государственным способностям – он англичанин, по гордости – испанец, по любви к своей вере, мягкости и терпимости – русский... но кроме этих черт характера, он очень храбр, хитер и подозрителен»<sup>83</sup>.

На невероятную хитрость и подозрительность абиссинского народа обращали, затем, внимание многие русские путешественники. Тем более, данная хитрость и подозрительность, прежде всего по отношению к белому человеку, проистекала зачастую из абиссинского этноцентризма, который, по мере более обстоятельного знакомства с народом, также, был примечен русскими исследователями Эфиопии. Особенно, этакий бытовой этноцентризм, становился заметен по мере удаления от столицы государства, где ослабевала власть негуса, обычно покровительствовавшего европейцам. Так, полковник Л. Артамонов писал что: «Всякий обыкновенный путешественник должен или терпеливо выносить... наглый произвол, или позорно откупаться от оскорблений деньгами и подарками»<sup>84</sup>.

Сочинения полковника Л. Артамонова примечательны тем, что по мере его продвижения по Эфиопии, описанного в них, можно проследить, как менялось его отношение к эфиопам, и как им приписывались всё новые черты. Полковник Л. Артамонов, как было указано во второй главе, прибыл в Эфиопию вместе с российским чрезвычайным посольством, и по просьбе негуса Менелика II, отправился в войска деджамача Тасамы, для участия в экспедиции к Белому Нилу. Поначалу, Л. Артамонов не мог не поддаться на экзотичное обаяние Абиссинии и её жителей. «...Вся эта огромная, крайне пестрая, дикая, но в то же время стройная, мощная и подвижная толпа, пышущая африканским зноем, эти грозные воины, победившие итальянцев, — и радующиеся прибытию русских, — представляли чудную, исключительную оригинальную и незабываемую картину»<sup>85</sup> - так он описывал одну из сцен встречи российской миссии. В то же время, первые дни пребывания в стране, особенно когда миссия находилась в пути к негусу, Артамоновым были замечены некоторые неприглядные черты местного населения, которые, правда пока не приписывались всем Абиссинцам. Леонид Константинович писал, указывая на коварность, корыстолюбие и хитрость некоторых абиссинцев: «Даже грозное двукратное повеление Менелика и все хлопоты Банти (правителя провинции Харар, через которую продвигалась миссия) плохо действовали на обнаглевших харарских нигоди (хозяев и погонщиков мулов), стремившихся сорвать как можно больше с русской миссии, пользуясь ее трудным положением (близость периода дождей) и желанием миссии скорее достигнуть столицы»<sup>86</sup>. Впрочем, даже сам Менелик не обольщался по поводу

<sup>83</sup> Булатович А.К. С войсками Менелика. С. 41.

<sup>84</sup> Артамонов Л.К. Пребывание в корпусе Тасамы С. 73.

<sup>85</sup> Артамонов Л.К. Как я попал в дебри Африки С. 11.

<sup>86</sup> Артамонов Л.К. Как я попал в дебри Африки. С. 12.

подвластного ему народа, когда миссия прибыла в столицу, и началась подготовка отряда для сопровождения Л. Артамонова до армии Тасама, и велся набор людей, негус предостерег офицера: «абиссинцы любят взять деньги, а затем сбежать, особенно от европейца, прихватив что-либо из его вещей на память»<sup>87</sup>.

Далее, описывая своё продвижение вглубь Африки, офицер указывает и на трусость некоторых абиссинцев. В один момент нанятые в столице люди просто отказались идти дальше, узнав о погибшей недавно в этих же местах французской экспедиции. И перед отрядом встал нелёгкий выбор. Вот как об этом пишет Л. Артамонов: «Но вернуться без всякого успеха назад после всех затраченных нами усилий и возложенных на нас Менеликом надежд не допускали достоинство и честь белой расы и страны, представителями которой мы являлись здесь впервые»<sup>88</sup>. Далее путешественник писал: «Решено было бросить все тяжести и груз, без которого можно было обойтись, и только со своими казаками двигаться дальше через Мотчу в отряд Тасама, по его следам, требуя от абиссинских властей проводников на основании открытого листа от повелителя Эфиопии. Это решение, быстро приводимое в исполнение, прежде всего казаками, сильно подействовало на черных слуг, из которых четверо заявили желание тоже идти с нами и стали казакам помогать во всем... одумавшись, вернулся к нам и переводчик»<sup>89</sup>.

По мере дальнейшего продвижения экспедиции, Л.К. Артамонов позволяет себе и более резкие выводы: «Зная лживость абиссинских обещаний, ... мы давно уже перестали верить в помощь людей и надеялись только на Бога»<sup>90</sup>.

Несмотря на многие трудности, повстречавшиеся на пути у экспедиции, завершилась она успешно и после достижения Л.К. Артамоновым берегов Белого Нила, отправилась в обратный путь. На обратном пути, войска проходили по недавно покорённым абиссинцами землям. Путешественник беспристрастно описал разорения причинённые завоевателями, не давая, впрочем, оценок увиденному. Во время своего возвращения, Артамонов стал также свидетелем эфиопского богослужения, и увиденное им не состыковывалось со сложившимися представлениями о богобоязненности эфиопов: «Затем мы, спешившись у церковной ограды, вошли в церковь и после нескольких минут молчаливой молитвы все вышли за ограду на площадь, где клир священников исполнил торжественное молебствие, заключающееся в хоровом пении с танцами под звуки негаритов. Меня поразило отсутствие всякого благоговения в окружающей толпе. Правда, это все большей частью галасы, недавно обращенные в христианство, но дадьязмач и кровные абиссинцы держали себя так же точно: толпа стояла вокруг священников, дадьязмач в шляпе сидел на стуле, мы стояли около него, но для всех это было зрелище, а не молитва»<sup>91</sup>. Более того, в конце путешествия даже возможные проявления положительных черт абиссинцев, оборачивались полковником в подозрения о хитрости и корысти: «Жители относились к нам чрезвычайно доверчиво и радушно, ибо знали, что мы за все платим»<sup>92</sup>.

<sup>87</sup> Артамонов Л.К. Пребывание в корпусе Тасама. С. 7.

<sup>88</sup> Там же. С. 11.

<sup>89</sup> Там же. С. 12.

<sup>90</sup> Там же. С. 21.

<sup>91</sup> Там же. С. 34.

<sup>92</sup> Там же. С. 67.

Однако, более близкое знакомство с Абиссинией и её жителями, не стало причиной появления негативного образа абиссинца. В большинстве своём, абиссинцы, пусть и не отвечавшие некоторым стереотипам, оставили за собой объёмный, противоречивый, но всё же привлекательный экзотичный образ. Так, А.К. Булатович, как и Л.К. Артамонов, долгое время бывший с абиссинскими войсками, и также видевший некоторые неприглядные стороны жизни этой страны: как то отношение их к завоёванным территориям и населению, в своих воспоминаниях оставил довольно обаятельный образ этой страны. Вот так он описывает одного «типичного абиссинца»: «Ато Балайнех — интересный тип абиссинца старого закала: сухой, живой, иногда жестокий, по-видимому, храбрый, не такой утонченно-вежливый, как нынешние придворные императора, грубый и гордый. Он участвовал в последней экспедиции в Ауссу и, как утверждает, убил 32 данакиля. Стрелять он не умеет, а пользуется исключительно копьем»<sup>93</sup>.

Так, об Эфиопах до Российских читателей газет и разного рода сочинений, доходили различные сведения. Известный российский исследователь, автор специального труда по Эфиопии В. Бучинский, по этому поводу, отмечал: «О характере и нравственных особенностях абиссинцев сложилось почти столько же мнений, сколько путешественников имело случай наблюдать долгое или короткое время жизнь этого любопытного во всяком отношении народа и делилось с общей массой европейской публики своими впечатлениями». Поэтому «...в то время как для одних, - обращал внимание своих читателей исследователь, - абиссинцы представлялись образцом благородства, честности, ума, живости...заклучают в себе целый сонм добродетелей, для других этот же абиссинец — лицемер, плут, да еще злой плут, варвар»<sup>94</sup>. Обе эти точки зрения имели право на существования, в силу наличия доказательств, как одного, так и другого мнения. И всё же, положительный образ абиссинца превалировал в общественном сознании.

Как указывалось в начале параграфа, русские путешественники, приезжавшие в Эфиопию из «другой действительности», со своими культурными представлениями, со своими категориями мышления, базирующихся на уже известных им понятиях по своему воспринимали эфиопскую действительность. Однако, не смотря на это, появление в стране русских путешественников, способствовало оформлению более полного и точного образа, пусть даже лишённого некоторой объективности. Также, стоит учесть, что образ народа Эфиопии, оставшийся по большому счёту положительным и привлекательным, для российского обывателя, разительно отличался от образа, укоренившегося в других европейских странах. Так, русские путешественники, в своих заметках и воспоминаниях, опускали многие неприглядные стороны эфиопской действительности, как то — жестокое отношение абиссинцев к покорённым народам, в силу присущего им этноцентризма, а также, их «не цивилизованность» в европейском смысле. Даже работа Л.К. Артамонова, в которой встречаются, порой весьма нелестные отзывы об абиссинцах, в целом, выдержана в благожелательном тоне. Автор не скрывал своего восхищения народом, победой над Италией, доказавшего своё право на самостоятельность, и решившегося на завоевания «диких» территорий, когда на африканском континенте хозяйничали европейские державы. В то же время, зарубежные исследователи, как раз,

<sup>93</sup> Булатович А.К. Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа. С. 46.

<sup>94</sup> Бучинский В. Сочинения. С. 89.

акцентировали своё внимание именно на негативные аспекты жизни абиссинцев, создавая, таким образом, в европейском сознании отрицательный образ абиссинцев.

### § 3.2 Образ Эфиопской армии, власти и императора Эфиопии в трудах русских путешественников.

Русские путешественники появились в Эфиопии в исключительное для её истории время. Это время, когда древнее Эфиопское государство, не смотря на отсталость, раздробленность, поддерживаемую сильными центробежными тенденциями, смогло объединиться и сохранить свою независимость, перед лицом агрессивной колониальной политики европейских держав.

Во второй половине XIX в. основными центрами, претендующими на лидерство в общеэфиопских делах, были: на севере - правители Тигре, на западе – правители Годжама, на юге – негусы Шоа. В середине XIX века верх одерживал запад. Император Теодрос II, происходивший из незнатного рода провинции Куара (западнее Годжама) сумел подчинить себе не только Годжам, но и большую часть всей Эфиопии, но в отличие от его активной и умелой (правда, зачастую, жестокой) внутренней политики, внешняя политика его, оказалась недальновидной, и привела к Англо-Эфиопской войне 1867-68 гг., завершившейся самоубийством Теодроса II. Вскоре, поддерживаемый англичанами, дело объединения Эфиопии «перехватил» Йоханнис IV, прежде всего, нужный англичанам, для борьбы с махдистами, в сражении с которыми он и пал в 1889 году. Следующим негусом, сумевшим установить контроль над Эфиопией, стал Менелик из Шоа, в своей борьбе за право быть правителем Эфиопии, опиравшийся на Италию, однако прекрасно понимавший потенциальные угрозы, исходившие от наличия одного только заморского союзника.

Во многом, именно благодаря Менелику II, Эфиопия смогла объединиться, отстоять свою независимость, и даже расширить свои границы. Менелик II прекрасно понимал необходимость модернизации своей страны, и привлекал для работы в Эфиопии европейских специалистов. Деятельность Менелика, по строительству африканской, многонациональной и многоконфессиональной империи широко освещалась в европейских газетах. И такой деятельный и прогрессивный правитель страны, издавна вызывавшей симпатии в российском обществе, также был глубоко симпатичен российской публике, в том числе и русским путешественникам, посещавшим Эфиопию. Так, Н.С. Леонтьев, сумевший добиться исключительного положения при дворе негуса, впоследствии, комментируя создание молодой империи и указывая на особую роль Менелика II в этом, писал: «... Менелик остался на высоте своего положения и верным своему девизу извлекать наибольшие выгоды для своей страны, оставаясь в то же время... рыцарем без страха и упрека... Пожелаем же от души Эфиопии и ее мудрому правителю, чтобы через... двери общения с Европой полились в Абиссинию волны цивилизации и прогресса»<sup>95</sup>.

Личность негуса, его деятельность, вызывали живейший интерес в России. Журналисты в это время часто, оценивая события в Эфиопии, проводили параллели с событиями из истории России, в том числе, отождествляя негуса с российскими правителями. По «настойчивому стремлению к цивилизации, глубокому уважению к труду и удивительной скромности» его сравнивали с Петром Великим, называли «рыцарем без страха и упрека, с высокими понятиями

<sup>95</sup> Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. С. 286.

о чести, благородстве и гуманности, обладавшим недюженным политическим умом и тактом». В деле борьбы с феодальным сепаратизмом и раздробленностью находили много общего в его политике и политике Ивана Грозного. Так, П.Н. Краснов, руководивший казачьим конвоем первой чрезвычайной миссии, и оставивший подробные воспоминания о своём пребывании в Эфиопии писал о церемонии встречи россиян: «При грохоте барабанов, под торжественные звуки русского гимна слезли мы с лошадей и мулов и вошли во дворец... Новый эффект, эффект бьющий по нервам, эффект, заставляющий задуматься, забыться, отрешиться на мгновение ото всего, что было, что осталось там, назади, в далекой Европе... Триста лет ухнуло куда-то в бесконечность. Нет Петербурга, нет железных дорог, нет Германии, Франции, с которыми мы заключаем союзы, трактаты, договоры... Есть какие-то отдаленные немцы, с которыми приятно вести умные беседы, которые "зело опытни" во многих делах. Тишайший царь Алексей Михайлович мудро правит Московским государством, то ссорясь, то мирясь с патриархами, устроая царство. Теперь у него торжественная аудиенция — принимаются почетные послы, прибывшие с немецкой стороны. Бояре и рынды, дети боярские и духовные лица собрались вокруг Московского Царя и слушают мудрые слова Государевы... Да так должно было быть!... Мы — те немецкие послы, что капля за каплей вносили европейскую цивилизацию в Русь, а царь Менелик, принимающий нас теперь с ласковой улыбкой гостеприимного хозяина, поборник цивилизации, не чуждый европейских обычаев, но поборник мягкий, опасющийся ломки и крутых мер. Не Царь ли это государства Московского, лет триста тому назад?»<sup>96</sup>.

Оценивая исключительную роль Менелика, его также сравнивали с предыдущими правителями Эфиопии, которые также стремились объединить страну под своей властью. Менелик II, как и его предшественники, осознавал необходимость централизации страны, но предпочитал действовать более осмотрительно, «ладить с феодалами и кончать дело миром». В отличие от «гордого и горячего» Теодроса II, который «объединил Эфиопию и раздвинул ее пределы до самого моря, но залил страну кровью, поверг в беды и несчастья, нажил множество врагов в своей стране и в Европе жестокими расправами и сатанинской гордостью», правление Менелика II отличалось «справедливостью, сдержанностью, законностью, заботами о народе и войске». Менелик II, «спокойный и последовательный политик», предпочитающий «действовать за кулисами», «уступчивый», «прячущий в глубине сердца личные обиды», «всегда занят государственными задачами и ставит их выше не только себя, но и своей личной чести»<sup>97</sup>.

Эта мысль прослеживается у многих авторов, в частности Ю.Л. Елец, записавший и издавший воспоминания есаула Н.С. Леонтьева, отмечал, что «собиратель Эфиопии в единое целое, Менелик очень мудро поступает со своими внутренними врагами. Одних он приближает к своему двору и, наделяя их милостями, в тоже время зорко за ними следит и тем самым отнимает всякую возможность вредить себе. Других он наказывает за неповиновение и снова водворяет их на посты»<sup>98</sup>, проявляя большое терпение и любовь к людям.

<sup>96</sup> Краснов П.Н. Казаки в Абиссинии. С. 56.

<sup>97</sup> Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения. С. 131.

<sup>98</sup> Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. С. 153.

Например, в начале 1895 г. Менелик предпринял поход против возмущившегося племени Уалямо, отказавшегося платить ему обычную дань. Разгромив и взяв царька Уалямо со множеством пленных в Энтото, он заставил его работать наравне с его же слугами. По прошествии некоторого времени, наглядно показав пленному правителю, насколько он сильнее его, Менелик отпустил его с миром править по-прежнему страной Уалямо, но, конечно, при этом увеличил размер дани и обязал содержать придвинутые к границам войска негуса<sup>99</sup>.

Поскольку Эфиопская империя была «военно-феодальным государством» и ее целостность поддерживалась прежде всего силовыми средствами, то Менелик II не мог не интересоваться военным делом. Столкновения же Абиссинии с Италией и неизбежность в будущем таких столкновений с европейскими державами заставили его обратиться к военной реформе. Менелик II вносит серьезные изменения в организацию, военную иерархию, дислокацию и комплектование, вооружение и довольствие, стратегию и тактику абиссинского войска, привлекает на службу европейских специалистов. Серьезные работы об абиссинской армии также оставили русские офицеры, особенно стоит указать труды К. Арнольди<sup>100</sup>, направленного в Африку на поиски «пропавшего» полковника Л.К. Артамонова. При этом, как в любой феодальной армии, ключевой продолжала оставаться роль верховного главнокомандующего, который ведет за собой войска. И в этом смысле Менелик II, «превосходный стрелок и наездник, солдат с детских лет», показал незаурядные способности военного стратега и организатора. Доказательством этому послужила блестящая победа в итало-абиссинской войне 1894–1896 гг. «В 1896 г. Менелик покрыл себя славою под Адуей и показал всей Европе, что такое нынешняя Эфиопия и какова ее мощь»<sup>101</sup>, — писал в своем дневнике А.К. Булатович.

Особо следует сказать о религиозной политике Менелика II, которая отличалась веротерпимостью, пониманием и уважением убеждений верующих. Так, помимо семитоязычных амхарцев-христиан, в стране проживали галласы и сомалийцы исповедовавшие, в большинстве своём, ислам, помимо их, в Эфиопии существовала крупная община чернокожих иудеев – фалаша. На окраинах, среди коренного населения, было распространено язычество. В силу этого, национальный и межконфессиональный вопросы приобретали особо важное значение среди задач внутренней государственной политики Эфиопской империи.

Русские путешественники отмечали, что для Менелика II было характерно отсутствие религиозного фанатизма. В интересах дела на высокий пост нередко назначались мусульмане. А.К. Булатович сравнивает «справедливого и сдержанного» Менелика II с его предшественником императором Йоханнсом IV, личность которого «в высшей степени замечательна», но который проводил совсем иную религиозную политику. «Он был христианин-фанатик, который задался целью не иметь среди подданных мусульман. Последних он обращал насильно в христианство». В противоположность ему Менелик II охотно привлекал на службу галласких воинов-мусульман, славившихся своей доблестью и военными талантами. А.К. Булатович упоминает о выдающемся военном начальнике расе Гобане — «бывшем галласе, замечательном кавалеристе,

<sup>99</sup> Булатович А.К. С войсками Менелика. С. 82.

<sup>100</sup> Арнольди К. Военные очерки Абиссинии.

<sup>101</sup> Булатович А.К. С войсками Менелика. С. 79.

силаче и храбреце, завоевавшем Менелику все галлаские земли к западу от Энтото до Бени-Шангула и к юго-западу до реки Баро»<sup>102</sup>.

Как указывали россияне, посетившие при Менелике Эфиопию, и оценивавшие его деятельность, он прекрасно уяснил «уроки» предыдущих царствований, и проводил более гибкую политику, не только внешнюю, предпочитая сотрудничать сразу с несколькими европейскими державами, но и внутреннюю. Так, он смог заручиться поддержкой крупных феодалов не только с помощью силы (что тоже имело место, ведь его армия, благодаря сотрудничеству с европейцами была самой оснащённой современным оружием), но и с помощью дипломатии, и династических браков, выдав своих дочерей замуж за влиятельных расов. Понимая исключительную роль церкви, организация которой в Эфиопии также была, по большому счёту феодальной, Менелик не проводил мероприятий по ущемлению её старинных прав, но в то же время, не шёл у неё на поводу. Несмотря на то, что сам император очень ревностно исполнял свой долг христианина — строго соблюдал посты и в великий пост по средам и пятницам не ел до захода солнца, каждый праздник бывал у обедни, делал церквям большие пожертвования, он, еще в бытность правителем Шоа, объявил свободу вероисповедания. Более того, он издал указы, согласно которым любые богословские споры были запрещены, а каждый эфиопский священнослужитель, уличенный в разжигании религиозных распрей, должен быть казнен<sup>103</sup>. Став императором, он продолжил эту политику, в Аддис-Абебе можно было встретить христиан-монофизитов, католиков, протестантов и православных, мусульман и иудеев, представителей языческих культов.

Из мемуарной литературы Менелик II предстает перед нами как великолепный собеседник, вежливый и рассудительный, интересующийся новинками науки и техники, достижениями европейской культуры. Так, доктор А.И. Кохановский, долгое время проживший в Эфиопии, вспоминал: «Менелик был умный и талантливый собеседник, интересовавшийся всеми формами труда, всеми новыми для него знаниями, предметами... Его любимцами были всегда врачи, купцы, инженеры, ремесленники. Ведя с ними дела, он забывал о величии "царя царей", сам заходил в дом, отбрасывая придворный этикет, звал к себе и держался как равный...»<sup>104</sup>. Менелик II был не просто любознательным человеком. Понимая технико-экономическую отсталость страны, он по мере возможности старался внедрить европейские технические достижения в жизнь и с помощью иностранных специалистов преодолеть отставание в различных сферах жизни.

Тот же А.И. Кохановский писал: «Во дворце устраивается кинематограф и аптека, проводится электрическое освещение, а близ дворца строится большая паровая мельница. "Знакомством с предметами и вещами обогащается ум", — любил говорить Менелик»<sup>105</sup>.

Император не только повелевает подданными, но и сам «всюду поспекает, подавая личный пример в работах, вполне уподобляясь в этом Петру Великому».

<sup>102</sup> Там же. С. 79.

<sup>103</sup> Григорьева С.В. Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: Эфиопская империя глазами русских.

<sup>104</sup> Кохановский А. Император Менелик и современная Абиссиния. С 71.

<sup>105</sup> Там же. С. 74.

Император прислуживал врачам при операциях, на вскрытиях изучал строение человеческого тела, имел большое число походных аптек, трудился в поле, изучал машины и автомобили, интересовался каменноугольным делом. «Что касается образования Менелика, то, конечно, оно было примитивное, но большой природный ум, наблюдательность и редкая энергия дали ему возможность многому научиться. Так, он практически хорошо изучил наблюдения по хронометру, знает механику, и нет предмета, попавшегося ему в руки, с устройством которого он бы подробно не ознакомился, будь то музыкальный ящик, картечница, ружье или более простейшее орудие»<sup>106</sup> - писал, со слов Н.С. Леонтьева, Ю. Елец. Полковник Л.К. Артамонов, вспоминая первую встречу с негусом негести, писал: «Начался разговор с расспросов о здоровье и пути, причем Менелик с удовольствием узнавал в числе членов миссии тех, кто уже был в Абиссинии с миссией Красного Креста. Беседа длилась больше часа. Вопросы задавались медленно и методически. Выслушивались ответы внимательно. После обмена любезностями, вопросами о здоровье, климате, пути Менелик сразу перешел к темам, совершенно неожиданным для нас и очень острым, как, например: о ходе работ по постройке великой сибирской дороги и о разных технических новостях и др., закончив довольно длительный разговор вопросом, “справедлив ли дошедший до него слух о предстоящем разделе Китая между европейскими державами”»<sup>107</sup>. Далее, Л.К. Артамонов, писал, указывая на удивительную осведомленность негуса в европейских делах: «Достоинство, выдержка и важность, с какими держал себя Менелик, серьезные и умно поставленные вопросы о европейских делах ... невольно внушали к этому чернокожему властителю глубокое уважение. Впечатление это оказалось общим у всех европейцев, заставляя их в сношениях с Менеликом (не только в делах, но и в словах) быть очень внимательными и осторожными. Он ничего не забывал, всем интересовался, входя глубоко по существу в каждое дело. Выслушивая рассказы и советы европейцев, он всему давал собственную оценку, поражающую белых ференджи (европейцев), здравомыслием и верностью выводов особенно потому, что этот чернокожий владыка Эфиопии никогда не выезжал из своей страны, зная о всех европейских делах и странах других частей света только по слухам, из газетных выдержек, переведенных ему доверенным переводчиком, или от своих чернокожих агентов, побывавших с его поручениями в Европе и других странах»<sup>108</sup>.

Однако, Менелику, судя по воспоминаниям россиян, порой, не была чужда некоторая «несерьёзность» в бытовых делах. Так, фельдшер С. Э. Сасон, впоследствии вспоминал, что однажды, наблюдая, как он делал императрице Таиту, страдавшей ревматизмом, массаж ног, негус-негести вдруг пожаловался на приступ резкой боли в суставах и потребовал, чтобы ему тоже сделали массаж. Таиту, хорошо знавшая супруга, насмешливо сказала, что он «сочиняет», и Менелик согласился<sup>109</sup>. Надо сказать, что императорская чета, не обращая внимания на время суток и занятость врачей, подчас посылала к ним людей по пустякам и доставляла медикам множество лишних хлопот. Врачи Н.П. Бровцын и С. Э. Сасон, участвовавшие в военном походе Менелика против взбунтовавшегося

<sup>106</sup> Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. С. 286.

<sup>107</sup> Артамонов Л.К. Как я попал в дебри Африки. С. 21.

<sup>108</sup> Там же. С. 22.

<sup>109</sup> Крылов А. Россия в Африке. Русские врачи в Абиссинии.

правителя провинции Тигре раса Менегеши, после завершения войны, были пожалованы званиями «лейб-хирурга и «лейб-массажиста». Они в своих воспоминаниях указывали, что Менелик, зачастую, и вовсе относился к медицине крайне легкомысленно, хоть и ценил врачей. Например, они, позже вспоминали, как 25 декабря 1898 года Менелик прислал к ним специального гонца с повелением немедленно отправиться к гразмачу Демессе – крестнику раса Меконнына. Через два часа утомительного переезда выяснилось, что причиной спешки было всего лишь непомерное чревоугодие «больного». Зато воспаление лёгких у другого царедворца – ато Сумбука – значительно меньше взволновало императора, и он послал за Бровцыным лишь спустя девять дней после начала болезни. Время было упущено, и Бровцыну не осталось ничего иного, как сказать, что «врач все же не Бог и звать его поздно, когда человек умирает»<sup>110</sup>.

Однако, не смотря на просвещённость Менелика II, в целом государство, оставалось по «европейским меркам» диким, на что, также (правда, не акцентируя внимание) указывали россияне. Так, Л.К. Артамонов вспоминал, что однажды армию деджамача Тасамы, которую он сопровождал, поразила оспа, и военачальник принял решение заразить оспой всех бойцов: «Пусть лучше все сразу заболеют, — говорил мне дадьямач. — Кому бог пошлет смерть — тот умрет, а остальные выздоровеют, и тогда мы двинемся домой»<sup>111</sup>. Как указывал Л.К. Артамонов, в том походе погибло три четверти войска. В целом, не смотря на реорганизацию, проведённую Менеликом II, эфиопская армия формировалась и жила по старым порядкам. Тот же Л.К. Артамонов вспоминал, например, о дележе трофеев, по окончанию похода, в котором военачальник сам решал, кому, сколько достанется, а за укрывательство добычи виновный наказывался жирафом (кнутом из бегемотовой кожи). И уже после, забрав свою долю, деджамач награждал особо отличившихся бойцов<sup>112</sup>.

Более того, стоит указать, что и сама власть негуса, не смотря на его исключительную роль в стране, держалась на старых, феодальных принципах. Путешественники вспоминали, как иногда, распоряжения Менелика II, не приводились в исполнение, в силу того, что население не считала его напрямую своим правителем, и слушалось приказы только своих расов.

Российская общественность, благодаря обилию восторженных отзывов об Эфиопии, представляла себе эту страну «наших чёрных единоверцев», под руководством «чёрного Петра Великого», крайне идеализированно. Армия далёкой африканской страны, победившая современную европейскую армию, представлялась как войско безмерно храброе, способное на многие свершения. Однако, перед российскими читателями не ставилась проблема, по-прежнему существовавшего в Эфиопии рабства, на что указывала европейская пресса и путешественники. Не освещалось, по-прежнему, дикое правосудие, кровная месть (хотя если вспомнить пассажи Ашинова, то в его записках, эфиопское правосудие ставилось куда выше российского). Только серьёзно заинтересовавшийся Эфиопией, российский обыватель, мог узнать о жестоком обращении с покорёнными Менеликом II и его военачальниками народами. В целом, образ

<sup>110</sup> Там же.

<sup>111</sup> Артамонов Л.К. Пребывание в корпусе Тасамы. С. 71.

<sup>112</sup> Там же. С. 75.

казался романтическим и возвышенным. Хотя в целом, Эфиопия оставалась отсталой аграрной страной.

Так, оценивая внутреннюю политику императора Менелика, путешественник Ж. Вандергейм приходит к неутешительному выводу: «Негус Менелик дает себе ясный отчет в том, какой громадный шаг должна сделать его страна, для того чтобы всеми признана была ее независимость. Но шаг этот очень труден, окружающие его генералы, сравнивая себя с племенами, вооруженными пиками... думают, что они уже цивилизованны, но абиссинцы, побывавшие в Бербере, Зейле или Обоке, видят, как они отстали не только от европейцев, но и от арабов»<sup>113</sup>. Безусловно, во главе Эфиопии стоял в это время выдающийся человек. Менелик понимая особенности своей страны, не ломал общественный строй, а использовал для распространения своей власти и модернизации страны уже существовавшие механизмы. Действительно, оценка, даваемая Менелику II и его деятельности, по большому счёту, была справедливой, пусть, порой и противоречивой и не лишенной идеализации. Так, русской и французской прессой, превозносился его гуманизм. В российских газетах заявляли, что многие итальянские военнопленные не желали возвращаться в Италию, так как в Эфиопии у них находилась работа, за которую хорошо платили. Однако, если вспомнить политику к покорённым Менеликом африканцам, уже нельзя говорить о каком либо гуманизме. Так, французский журналист Ж. Кларети писал о Менелике II: «В нем виден пророк, мистик, и в то же время – современный человек, Он верит в участие Бога в своих победах и в то же время...в благодетельное действие йодоформа на раны...Он христианин, он оплакивает кровь, которую, как он говорит, заставили пролить его итальянцы, а во время своего похода против уаламосов, в котором мы участвовали, он с удовольствием, кажется, вонзает пули своего винчестера в черное человеческое тело»<sup>114</sup>.

Если говорить об образе Эфиопии: её правителе, государственном устройстве, народе, то он был во многом противоречивым, и стоит указать, что эта противоречивость в российских источниках становилась, безусловно, притягательной.

Итало-эфиопская война послужила не только катализатором к установлению дипломатических отношений России и Эфиопии, но и заметно подняла авторитет этой страны, как в глазах россиян, так и других европейцев. Прежде всего, невероятно стал высок авторитет Менелика II, который, будучи очень умелым, хитрым и дальновидным политиком и полководцем, одержал победу в войне и укрепил как свою власть, так и международное положение своей страны. Россияне, посетившие в этот момент Эфиопию, безусловно, были в восторге от негуса-негести, и от всего того, что свершалось, благодаря ему в этой далёкой африканской стране. Более того, они с радостью откликнулись на просьбу о помощи, исходящих от Менелика: так, именно он просил чрезвычайного консула П.М. Власова, о том, чтобы к отряду, оправившемуся к Белому Нилу, присоединился российский специалист, которым стал полковник Л.К. Артамонов. По личной просьбе Менелика, в походах участвовали русские врачи и другие офицеры. Затем, в своих работах они формировали его образ, и образ всей страны,

<sup>113</sup> Вандергейм Ж.-Г. В походе с Менеликом. С.81.

<sup>114</sup> Там же. С. 34.

как уже указывалось выше, сглаживая некоторые аспекты, не вписывающиеся в, сложившиеся к тому времени, представления об Эфиопии.

### **Вывод.**

Образ Менелика II, безусловно, дополнял, отчасти мифологизированный положительный образ Эфиопии укоренившийся в российском обществе в конце XIX века. В целом же основополагающими факторами, создания положительного образа всей страны были: религиозный аспект, сочувствие в борьбе против европейских колонизаторов и общность исторического пути, а также схожесть политического устройства, которые и правда, имели место быть. Например: несмотря на доминирующее положение христианства в обеих странах, оно никогда не было единственной религией, поэтому борьба за чистоту веры, за распространение христианства среди подданных была одной из важнейших внутривластных задач обоих государств. История России – это постоянное расширение на Восток, противостояние со Степью, с печенегами, половцами, монголами, кочевниками Средней Азии, Закавказья, Сибири. То же самое можно сказать и об Эфиопии, стержнем истории которой была многолетняя борьба с враждебным мусульманским окружением. Галассы, сидамо, сомалийцы, афары и другие народы, проживающие преимущественно в восточных и южных районах Эфиопии, занимались в основном кочевым скотоводством, исповедовали ислам, который проник в Северо-Восточную Африку уже в VII веке, и далеко не всегда хотели подчиняться эфиопским негусам. Оба государства изначально формировались как полиэтнические и поликонфессиональные, поэтому «национальный вопрос» был важной составляющей внутренней политики, и от его мудрого решения во многом зависела стабильность в обществе и целостность государства. Говоря об общих исторических чертах развития двух стран, следует отметить формы и методы создания государственности. В условиях крайне слабого развития социально-экономических предпосылок объединения, постоянных длительных междоусобиц и внешней угрозы силовые методы объединения были единственно возможными. Это касается как формирования Московского царства, которое создавалось в основном «огнем и мечем», так и создания единого Эфиопского централизованного государства. «История Эфиопии, – писал в своих дневниках А.К. Булатович, – есть непрерывная война то с внутренними, то с внешними врагами. Основанием императорской власти может быть только действительная военная сила, и на войске, как на фундаменте, построено все остальное здание Эфиопской империи»<sup>115</sup>. Отсюда военно-феодальный характер государственной власти и особая роль служилого сословия, которое составляло костяк государственного аппарата, и было опорой правителя. Общность исторического пути Российской и Эфиопской империй неоднократно подчеркивалась в работах наших соотечественников и находила выражение в проводимых ими параллелях между определенными периодами российской и эфиопской истории, как указывалось выше.

Благодаря этому, в том числе, образ Эфиопии был во многом положителен, для российского обывателя, особенно патриотично настроенного.

---

<sup>115</sup> Булатович А.К. С войсками Менелика.С.24.

## **Заключение.**

В ходе данного исследования было определено, что в общих чертах, образ Эфиопии в российском общественном сознании сложился ещё до появления там русских путешественников. Этот образ был полон устоявшихся стереотипов, касающихся в основном религиозных аспектов, так как именно околорелигиозный характер носили те источники, из которых этот образ формировался. Образ, как устоявшаяся система взглядов на жизнь народа Эфиопии, вобрал в себя представления о его богобоязненности, высокой нравственности и исключительности в сравнении с другими народами, населявшими Африканский континент. Такой образ крайне импонировал российскому обывателю.

Судить о сложившемся уже во второй половине XIX века образе можно из периодической печати того времени, а красноречивым примером интереса, который проявляли россияне к этой стране, может служить деятельность архимандрита Порфирия (Успенского).

Восприятие российским обществом этой далёкой африканской страны, как указывалось выше, в корне отличалось от восприятия европейцев, для которых Эфиопия, зачастую, была неотделима от чёрной Африки. Однако, и здесь следует учесть, что когда европейцы говорили о том, что до прихода «белого человека» у Африки не было своей истории, им приходилось делать оговорку, в силу того, что Эфиопия была известна уже со времён античности, и упоминалась, в том числе, Геродотом. Именно на этом строилась вторая причина повышенного интереса в России к стране «наших чёрных единоверцев». Она вызывала у россиян сочувствие, в силу того, что такая древняя культура являлась предметом пренебрежительного отношения среди европейцев.

Во второй половине XIX века в России были распространены антизападные настроения, появившиеся благодаря поражению в Крымской войне, а особенно благодаря тому, как европейская пропаганда преподносила Россию в это время. Да россияне не могли не признать, что Крымская война показала отсталость России от Западной Европы, однако патриотично настроенные россияне указывали на высокие моральные качества россиян, духовность и традиционность, патриархальность российского общества. Эти качества ставились даже выше научных и экономических достижений.

Когда после открытия Суэцкого канала Эфиопия попала под пристальное внимание Европейских держав, характеризовавшейся, зачастую, очень агрессивной их политикой, российская общественность также обратила своё внимание на Эфиопию. Российский патриот-обыватель, невольно проводил аналогии между Россией и Эфиопией, которая также как Россия, пусть отсталая, но высокодуховная, с богатой и древней историей держава. В дальнейшем, при более тесном знакомстве с этой страной, её историей, из газет, журналов, работ отечественных учёных, создавалось всё больше предпосылок появления аналогий между Абиссинской империей и Россией. В итоге устойчивый интерес к Эфиопии, сложившийся у россиян, послужил причиной появления частных инициатив, для посещения этой далёкой страны русскими путешественниками. Причём, если рассматривать инициативы «атамана вольных казаков» Н.И. Ашинова, трепетное

отношение российского общества к абиссинцам, стало предметом спекуляции талантливой авантюриста.

Однако, не только сочувствие к древней культуре благочестивых абиссинцев приковывало интерес к этой далёкой стране. Опять же, если брать в пример Н.И. Ашинова, то целью его авантюры было создание на африканском берегу русского поселения, что могло послужить началом русской колонизации Африки. Эта инициатива также нашла живейший отклик у российской общественности. Причиной, по которой у ашиновской авантюры появилось множество сторонников и сочувствующих, также должна крыться в массовой психологии патриотически настроенной части населения. Патриотам крайне льстила мысль, о том что Россия может пополнить ряды колониальных держав, доказав тем самым, европейцам что те не являются единственными хозяевами мира, и тем самым, быть может, смыть с себя по-прежнему преследующий Россию позор поражения в Крымской войне. Эти мысли не были чужды и части политических элит Российской империи, однако, не они одни способствовали поддержке с их стороны активизации российской политике в районе Красного моря. Как указывалось в работе, у России были и объективные интересы в этом регионе, в силу открытия того же Суэцкого канала.

В нашей работе было установлено, что именно частные инициативы, таких путешественников, как В. Машков и Н. Леонтьев, в большей степени, побудили российское руководство к активизации этого направления в российской внешней политике. Но стоит учесть, что и российское министерство иностранных дел имело свои причины вести очень аккуратную политику в этом регионе, в силу того, что до определённого момента не имела крепких союзнических отношений с какой либо из европейских держав. Когда же такие крепкие союзнические отношения были выстроены с Францией, то Россия начала активно поддерживать Эфиопскую монархию, что, в свою очередь, соответствовало интересам нашего союзника. Начавшаяся же в 1895 году итало-эфиопская война, послужила катализатором для скорейшего налаживания дружественных дипломатических связей России и Эфиопии, что соответствовало интересам Франции и чаяниям российского общества.

После 1895 года, многие заинтересованные Эфиопией россияне получили возможность (в том числе, благодаря одобрению государства) посетить эту притягательную африканскую страну. Это были и русские врачи-добровольцы, и офицеры, и дипломаты. В последней главе мы определили, что положительный образ Эфиопии, получивший отражение в их работах, не претерпел серьёзных изменений при непосредственном знакомстве с жизнью этой африканской страны. Русские путешественники, отправляясь в Эфиопию, уже имели вполне сложившиеся представления об этой стране, и воспринимали окружающую их там действительность через призму принятых в российском обществе представлений. Конечно, россияне примечали, порой неприглядные стороны характера эфиопов и образа их жизни, однако в своих трудах они не акцентировали на этом своё внимание, и в целом их работы были выдержаны в восторженно-благожелательном тоне.

Из этого следует, что россияне посетившие Эфиопию не были теми, кто в своих трудах формировал образ абиссинцев и всей страны в российском обществе.

Скорее наоборот, российское общественное мнение, и пресса формировали его у русских путешественников.

Однако, стоит учесть, что о восприятии эфиопской действительности путешественниками, мы можем судить только из их сочинений, которые, в большинстве своём, предназначались для широко круга читателей, в силу чего, мы можем предположить, что некоторые авторы могли намеренно сглаживать неприглядные аспекты жизни в Эфиопии, боясь быть непонятыми на родине, общественностью, либо начальством.

Также еще раз стоит заметить, что российские путешественники в своих работах формировали образ отличный от образа, формировавшегося англичанами и итальянцами, в чём прослеживался также, некий антагонизм с «Западом», присущий в это время некоторой части российского общества.

## Источники.

Опубликованные архивные источники.

1. Всеподданнейшая записка Н. К. Гирса императору Александру III. (от 3 февраля 1889 г.) // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. I. Д. 451. Л. 42-43 об. Рукописная копия. // «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid=6633)
2. Всеподданнейшая записка статс-секретаря Н.П. Шишкина императору Александру III. // РГАВМФ. Ф.711. Оп. I. Д. 367. Л. 11-17 об. // Россия и Эфиопия: к столетию установления дипломатических отношений // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, - 1996. - № 3 URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross\\_Aethiop\\_diplomat\\_otn/text.phtmlid=13070](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross_Aethiop_diplomat_otn/text.phtmlid=13070)
3. Выписка из донесения командира парохода Добровольного флота «Нижний Новгород» капитана 2 ранга П. И. Пташинского. //РГАВМФ. Ф. 417. Оп. I. Д. 451. Л. 59-61 об. Заверенная рукописная копия. // «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid=6633)
4. Всеподданнейшая записка председателя Российского общества Красного Креста М. П. Кауфмана (от 23 октября 1896 г.)// АВПР, ф. Политархив, д. 2015, л. 2-9. Подлинник. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения, - 1960. - № 1. URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ\\_aethiop/text.phtmlid=6652](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ_aethiop/text.phtmlid=6652)
5. Высочайшее письмо Его Величеству Менелику II, Негусу Абиссинии. // АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 137, л. 55. // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, - 1996. - № 3 URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross\\_Aethiop\\_diplomat\\_otn/text.phtmlid=13070](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross_Aethiop_diplomat_otn/text.phtmlid=13070)
6. Донесение посла России в Турции А. И. Нелидова министру иностранных дел Н. К. Гирсу (от 7 ноября 1888 г.)// РГАВМФ. Ф.417. Оп. I. Д. 451. Л. 6-7. Заверенная рукописная копия. // «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid=6633)

7. Донесение начальника русской дипломатической миссии в Эфиопии П. М. Власова министру иностранных дел России М.Н. Муравьеву (от 9 августа 1889 г.)// АВПР, ф. Политархив, д. 143, л. 72-73. Подлинник.// Проблемы востоковедения, - 1960. - № 1. URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ\\_aethiop/text.phtmlid=6652](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ_aethiop/text.phtmlid=6652)
8. Официальная записка П. М. Власова о следовании Российской императорской миссии из Харара в Аддис-Абебу, о прибытии в последнюю и о встрече, оказанной Миссии императором Эфиопии (от 15 февраля 1898 г.)// АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 142. л. 4-10.// Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, - 1996. - № 3 URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross\\_Aethiop\\_diplomat\\_otn/text.phtmlid=13070](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross_Aethiop_diplomat_otn/text.phtmlid=13070)
9. Проект Высочайшего письма к царю Менелику. (от 19 марта 1889 г.)// АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2008, л. 54—56. // Россия и Эфиопия: к столетию установления дипломатических отношений // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, - 1996. - № 3 URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross\\_Aethiop\\_diplomat\\_otn/text.phtmlid=13070](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross_Aethiop_diplomat_otn/text.phtmlid=13070)
10. Письмо императора Эфиопии Менелика II Николаю II (от 1 апреля 1896 г.)// АВПР, ф. Политархив, д. 2014, лл. 72, 73 об. Подлинник на амхарском языке.// Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения, - 1960. - № 1. URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ\\_aethiop/text.phtmlid=6652](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ_aethiop/text.phtmlid=6652)
11. Письмо раса Меконена Николаю II (от 17 июля 1896 г.)// АВПР, ф. Политархив, д. 2014, л. 54. Подлинник на амхарском языке.// Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения, - 1960. - № 1. URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ\\_aethiop/text.phtmlid=6652](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ_aethiop/text.phtmlid=6652)
12. Письмо Менелика II Начальнику санитарного отряда Российского общества Красного Креста Н.К. Шведову (от 22 декабря 1896 г.)// АВПР, ф. Политархив, д. 2014, л. 69, об. Подлинник на амхарском языке.// Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения, - 1960. - № 1. URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ\\_aethiop/text.phtmlid=6652](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Russ_aethiop/text.phtmlid=6652)

13. Письмо министра иностранных дел Н. К. Гирса управляющему Морским министерством вице-адмиралу Н. М. Чихачеву (от 27 января 1889 г.)// РГАВМФ. Ф. 417. Оп. I. Д. 451. Л. 36-38 об. Рукописный подлинник.// «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid)
14. Письмо командира корвета «Витязь» капитана 1 ранга С. О. Макарова вице-адмиралу Н. М. Чихачеву. (от 28 февраля 1889 г.)// РГАВМФ. Ф.417. Оп. 1. Д. 451. Л. 139-142 об. Рукописный подлинник.// .// «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid=6633)
15. Секретное письмо Его Сиятельства Графа Муравьева Д. С. С. Власову в Аддис-Абебу//АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, д. 7698, л. 44-47.// Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, - 1996. - № 3 URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross\\_Aethiop\\_diplomat\\_otn/text.phtmlid=13070](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross_Aethiop_diplomat_otn/text.phtmlid=13070)
16. Телеграмма Н. К. Гирса А. И. Нелидову и дипломатическому агенту в Египте А. И. Кояндеру. (от 10 февраля 1889 г.)// РГАВМФ. ф.417.Оп. 1. Д. 451. Л. 77-77 об. Рукописная копия.// «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid=6633)
17. Телеграмма начальника Главного Морского штаба контр-адмирала О. К. Кремера командиру клипера «Забияка» капитану 2 ранга С. Н. Давыдову. (от 13 февраля 1889 г.)// РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 378. Л. 134. Заверенная рукописная копия.// РГАВМФ. Ф.417. Оп. 1. Д. 451. Л. 106. Рукописная копия.// «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtmlid=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtmlid=6633)
18. Записка П. М. Власова министру иностранных дел М. Н. Муравьеву о перспективах развития отношений между Россией и Эфиопией//АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2053, л. 51-53. // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение, - 1996. - № 3 URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross\\_Aethiop\\_diplomat\\_otn/text.phtmlid=13070](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ross_Aethiop_diplomat_otn/text.phtmlid=13070)

19. Запись показаний П. Ф. Шелипенко, сделанная в генеральном консульстве России в Константинополе. (от 28 октября 1888 г.)// РГАВМФ. Ф. 417. Оп. I. Д. 451. Л. 8-11.// «Эта экспедиция делает нам стыд и позор». Африканская авантюра вольных казаков // Источник. Документы русской истории. – 1999. - № 5 (41). URL:  
[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp\\_Aschinow/text1.phtml?id=6633](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Exp_Aschinow/text1.phtml?id=6633)

#### Пресса.

20. Московские Ведомости. – М., - 1897. - № 58. – С. 3. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20304>

21. Московские Ведомости. М., - 1896. - № 98. – С. 2. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20210>

22. Наблюдатель. – СПб., - 1886. - № 3. – С. 27. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/28201>

23. Новое время. – М., - 1891 - № 6067. – С.2. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20500>

24. Новое время. – М., - 1891 - № 6069. – С.2. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20200>

25. Новое время. – М., - 1892 - № 6131. – С.3. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20200>

26. Петербургские Ведомости. – СПб., - 1897. - № 125. – С. 1. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20640>

27. Правительственный вестник – СПб., - 1896. - №51. – С. 3. URL:  
<http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20209>

#### Работы современников и путешественников.

28. Арнольди К. Военные очерки Абиссинии. – СПб.: Типография главного управления уделов, 1908. – 321 с.

29. Артамонов Л.К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. - М. : Наука, 1979. – 211 с.

30. Булатович А. К. С войсками Менелика II. - М. : Глав. ред. вост. лит., 1971. – 352 с.

31. Булатович А. К. Третье путешествие по Эфиопии. - М. : Глав. ред. вост. лит., 1987.

32. Болотов В.В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. – СПб.: Типография Ф. Елионского и Ко, 1888. – 111 с.
33. Бучинский В., Бахланов С. Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена. – СПб., 1900. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/searchutf>
34. Вандергейм Ж.-Р. В походе с Менеликом, негусом Абиссинским: Сокращённый перевод Бич-Богуславского Л.А. – Одесса, 1896. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Vandergeim/pred.phtmlid=6643>
35. Дмитриевский А. А. Благодать святого Огня на Живоносном Гробе Господнем в Великую Субботу. - СПб., 1908. URL: [http://www.holyfire.org/svid\\_p\\_Meletij.htm](http://www.holyfire.org/svid_p_Meletij.htm)
36. Власов В.П. Краткая записка о современной Абиссинии/ Россия и Эфиопия: к столетию установления дипломатических отношений // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. - 1996. - № 3.
37. Долганев Е.Е. Страна Эфиопов (Абиссиния). – СПб., 1896. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Dolganev\\_E\\_E/text1.phtmlid=7080](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Dolganev_E_E/text1.phtmlid=7080)
38. Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. – СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1902. — 331 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1219876>
39. Ефрем (Цветаев). Поездка в Абиссинию. – М., 1902. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/searchutf>
40. Звягин К.С. Очерк современной Абиссинии. – СПб., 1895. URL: <http://www.twirpx.com/file/761166>
41. Ковалевский Е.П. Донесения/ Новые материалы о путешествии Е. П. Ковалевского в Египет, восточный Судан и западную Эфиопию // Страны и народы Востока, Вып. IV. - М.: Наука, 1965
42. Ковалевский Е.П. Негриция. (Отрывок из путешествия во внутреннюю Африку Е. Ковалевского) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 78. – 1849. - № 312. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XIX/1840-1860/Kovalevskij/text1.phtmlid=12354>
43. Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку. - СПб., 1872. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XIX/1840-1860/Kovalevskij\\_II/text11.phtml?id=13394](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XIX/1840-1860/Kovalevskij_II/text11.phtml?id=13394)

44. Кохановский А. Император Менелик и современная Абиссиния. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 112 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24127#page/1/mode/grid/zoom/1>
45. Краснов П. Н. Казаки в Абиссинии. Дневник начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинии в 1897-98 году. – СПб., 1900. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Krasnov/text2.phtmlid=6655>
46. Криндач Ф. Русский кавалерист в Абиссинии. Из Джибути в Харар. - СПб., 1897. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Krindac/text.phtmlid=6650>
47. Лебединский М.И. Первый госпиталь в Абиссинии// Исторический вестник. – 1912. - № 11. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Lebedinskij/text.phtmlid=6648>
48. Львов А. Абиссиния и православный Восток в прошлом столетии // Исторический вестник. – 1895. - № 11. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Lvov/text.phtmlid=6629>
49. Орлов Н.А. Итальянцы в Абиссинии. – СПб.- 1897. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Ital-Efiop1/text1.phtmlid=6685>
50. Панаев В.А. Записки// Русская старина. – 1906. - № 11. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Panaev\\_V\\_A/text1.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Panaev_V_A/text1.htm)
51. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. – СПб., 1894. URL: <http://ru.bookzz.org/book/751520/5d0355>
52. Пуцыкович Ф. Ф. Абиссинцы. Чтение для народа. – СПб., 1896. – 16 с.
53. «Различия в вере между эфиопами и русскими» — краткий меморандум неизвестного эфиопского католика конца XIX века / Перевод В. М. Платонова и С. Б. Чернецова // Христианский Восток, Том 4. - М.: Индрик. – 2006. – С.260-267.
54. Скальковский К.А. Суэзский канал и его значение для русской торговли. - СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1870. URL: <http://adelanta.biz/archive-sdelok/124647/>

## Литература.

1. Агеев Н.А. Неудавшаяся экспедиция А. Каргаполова в Абиссинию. Русско-французское сближение в колониальной политике на рубеже 1880-90-х гг. // Власть. - 2009. - №12.
2. Агуреев С.А. Восприятие Эфиопии в Российском общественном сознании на рубеже XIX-XX вв. //РАН. Российская история. - 2009. № 2.
3. Агуреев С.А. Император Менелик II и российское общественное мнение в конце XIX – начале XX века. // Вопросы истории. – 2007. - № 9.
4. Агуреев С.А. Экспедиции Императорского Русского Географического общества в Эфиопию, на рубеже XIX-XX вв.//Вопросы истории. - 2015.- № 7.
5. Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения. – М., 2011. – 266 с.
6. Адрианова-Перетц В. П. Путешествия XVI в. // История русской литературы. Т. 2. - М.; Л., 1945. – 587 с.
7. Безобразов П.В. Император Александр I и патриарх Поликарп. – СПб., 1911.URL: <http://ricolor.org/russia/6/1>
8. Васин И.И. Колониальная политика Англии, Франции и Италии в Эфиопии в последней четверти XIX века. - М.: Просвещение, 1967. – 104 с.
9. Виноградова К.В. Поездки российских путешественников в страны Ближнего Востока и Африки в конце XIX – начале XX вв. (на примере экспедиций капитана А.В. Елисеева)//Научный альманах. - 2015. - № 8(10). URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.08.1355.pdf>
10. Вобликов Д. Р. Эфиопия В Борьбе За Сохранение Независимости. – М.: Соцэкгиз, 1961. - 217 с.
11. Гоков О.А. Офицеры Генерального штаба в Африке (вторая половина XIX в.). URL: [http://ricolor.org/history/voen/form/24\\_01\\_2011\\_03/](http://ricolor.org/history/voen/form/24_01_2011_03/)
12. Григорьева С.В. Изучение истории русско-эфиопских отношений нового времени в России: обзор исследований последнего десятилетия. //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. - № 6-3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-istorii-russko-efiopskih-otnosheniy-novogo-vremeni-v-rossii-obzor-issledovaniy-poslednego-desyatiletija>
13. Григорьева С.В. Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: Эфиопская империя глазами русских.// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2010. - №4. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/mifologizirovannye-stereotipy-v-mezhkulturnyh-kommunikatsiyah-efiopskaya-imperiya-glazami-russkih>

14. Етобаева Е. Г. Из истории русско-эфиопских отношений в к. XIX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. - Иркутск, 1997. - С. 166-173.
15. Забродская М.П. Русские путешественники по Африке. – М.: Географгиз, 1955. – 87 с.
16. Исмагилова Р.Н. Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. - 335 с.
17. Кацнельсон И.С. По неизведанным дорогам Эфиопии. – М.: Наука, 1975. – 191 с.
18. Кирей Н. И., Виноградова К.В. Роль есаула Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьева в установлении российско-эфиопских дипломатических отношений в кон. XIX в. URL: <http://www.ruplace.ru/voprosy-kazachjey-istorii-i-kuljтуры-2002/rolj-esaula-kubanskogo-kazachjego-voyska-n.s.leontjeva-v-ustanovlenii-rossiysko-efiopskih-diplomaticeskikh-otnosheniy-v-kontse-hih-v.html>
19. Крылов А. Россия в Африке. Русские врачи в Абиссинии. URL: <http://www.narodru.ru/smi7352.html>
20. Лукницкий К. Н. Борьба империалистических держав за Абиссинию (до 1914 г.) // Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. Л.: АН СССР, институт археологии и этнографии. Лениздат, 1936. – С.395-473
21. Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. – Волгоград: изд. ВГУ, 1999 – 148 с.
22. Макеев С. «Геополитика» казака Ашинова. URL: <http://flb.ru/info/50286.html>
23. Малыгина Н.В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX - начале XX веков. – Владимир, 2004. – 115 с.
24. Морозов Е.В. Российско-Эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию. // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2011. - №10. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-efiopskoe-voennoe-sotrudnichestvo-v-kontse-xix-veka-postavki-rossiyskogo-oruzhiya-v-efiopiю>
25. Полунов А. «Наши чёрные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX – начале XX в. // Российская история. - 2015. - № 2.

26. Прокофьев Н. И. Хождение Агрения в Палестину: (Текст и археогр. примеч.) // Литература Древней Руси. - М., 1975. – 231 с.
27. Райт. М.В. Народы Эфиопии. - М. : Наука, 1965. - 259 с.
28. Соколова В.А. Российское общество красного креста в военных конфликтах (1870-1902 гг.). // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. - 2013. - №3. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-obschestvo-krasnogo-kresta-v-voennyh-konfliktah-1870-1902-gg>
29. Сапронова М. А. Северная Африка в путевых заметках русских путешественников и офицеров генерального штаба XIX в. URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/na-rubezhe-tsivilizatsij/318-severnaya-afrika-v-putevykh-zametkakh-russkikh-puteshestvennikov-i-ofitserov-generalnogo-shtaba-xix-veka>
30. Тебедже М. Эфиопская Православная Церковь в освещении русских православных богословов и историков. - Л., 1975. – 117 с.
31. Трофимов В. А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке во второй половине XIX в. (Эфиопия и Сомали). - М., Просвещение, 1962. – 213 с.
32. Хренков А. В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой)//Вопросы истории. - 1999. - № 2.
33. Хренков А.В. Русские в Африке: ашиновская авантюра. //Вестник РГНФ. - 1996 - № 4. - С. 37-50
34. Хренков А.В. Русско-эфиопские отношения на рубеже XIX-XX вв. //Азия и Африка сегодня - 1984 - № 9.
35. Хренков А.В. Эфиопская миссия Николая Ашинова (по неопубликованным документам архивов Москвы и Ленинграда). – М.: Институт Африки АН СССР, 1987
36. Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. - М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989.— 405 с.
37. Чач Е.А. Христианский Восток в изданиях для народа в России конца XIX – начала XX века. К постановке проблемы. //Вестник Омского университета. – 2012. №1 (63). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-vostok-v-izdaniyah-dlya-naroda-v-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-v-k-postanovke-problemy>
38. Экарева И.Л. Россия в системе мировых империй: некоторые особенности. //Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2008. - № 03. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-sisteme-mirovyh-imperiy-nekotorye-osobennosti>